

Ким
СТЭНЛИ РОБИНСОН

ДИКИЙ БЕРЕГ

ПРЕМИЯ
«ЛОКУС»

«СЛОВНО
ДУНОВЕНИЕ СВЕЖЕГО ВЕТРА»

УРСУЛА ЛЕ ГЮИН

Калифорнийский триптих

Ким Робинсон

Дикий берег

«ЭКСМО»

1984

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Робинсон К. С.

Дикий берег / К. С. Робинсон — «Эксмо»,
1984 — (Калифорнийский триптих)

ISBN 978-5-04-094785-0

2047 год. Началась и закончилась ядерная война. США лежат в развалинах, в которых царствуют койоты. Страны-победители установили карантин — японские корабли патрулируют побережье, а спутники — небо. Жители калифорнийского городка Сан-Онофре забыли о прошлом, ведут примитивное натуральное хозяйство и изредка меняются товарами с соседними общинами. Хэнк Флетчер же мечтает о том мире, который был навсегда уничтожен войной. Именно его мечтам суждено сыграть главную роль в деле возрождения Америки.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-094785-0

© Робинсон К. С., 1984
© Эксмо, 1984

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	16
3	26
4	36
5	43
Часть вторая	51
6	51
7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ким Стэнли Робинсон

Дикий берег

Kim Stanley Robinson
THE WILD SHORE: THREE CALIFORNIAS
(WILD SHORE TRIPTYCH)

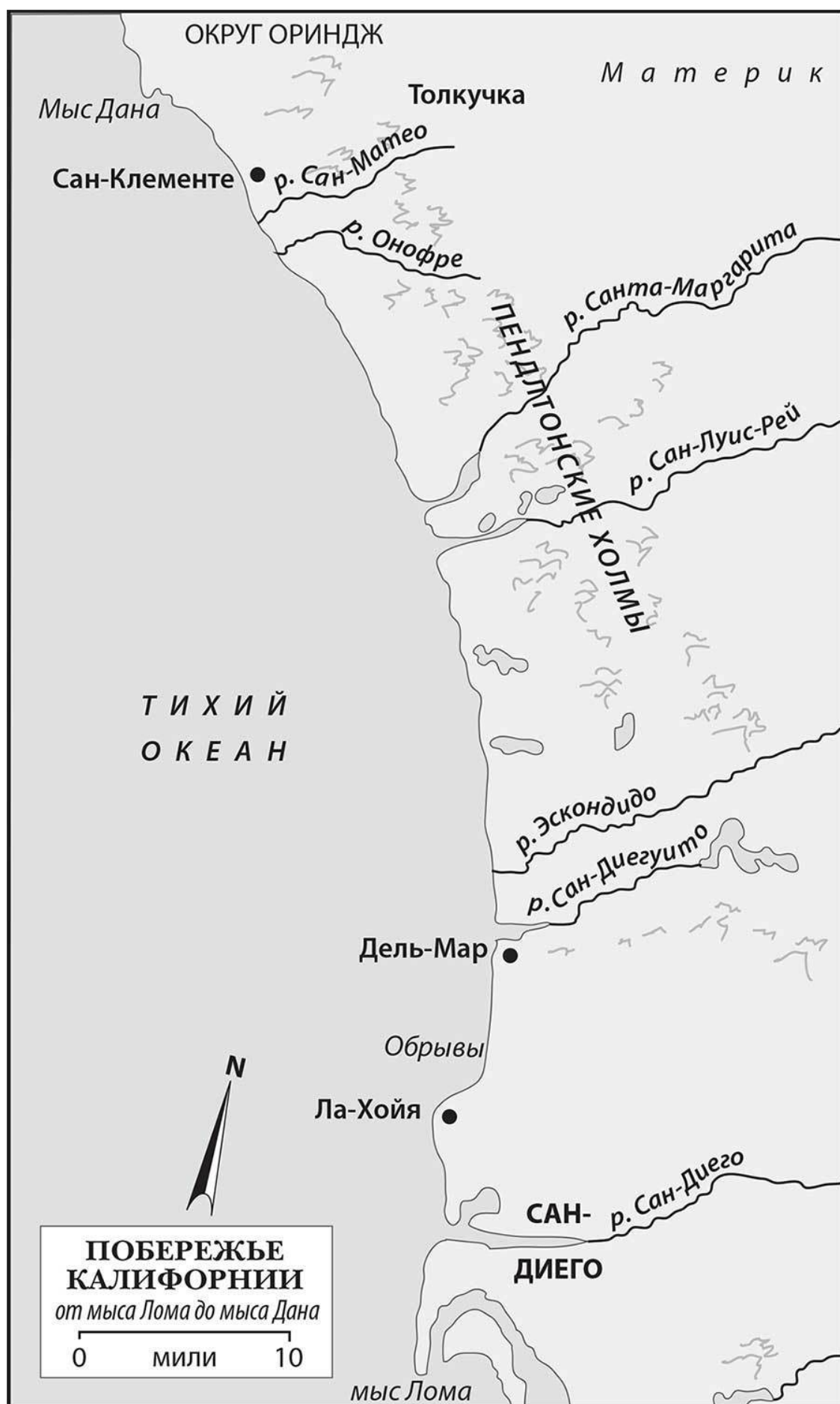
Copyright © 1984 by Kim Stanley Robinson

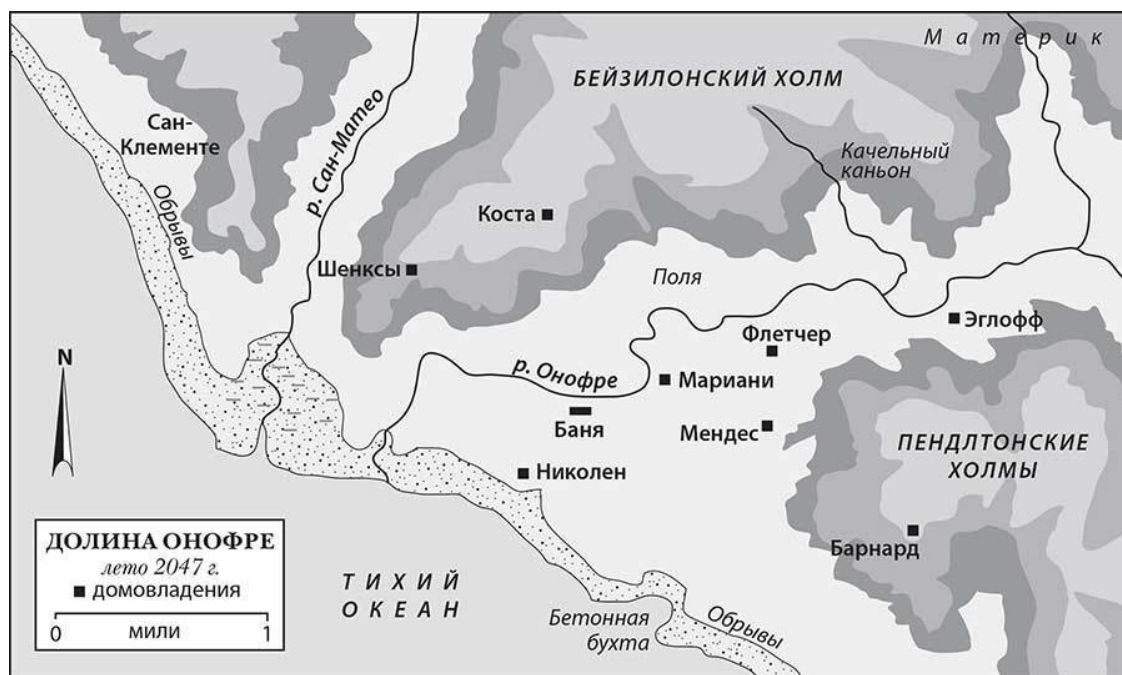
Разработка серии А. Саукова

© Доброхотова-Майкова Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая Сан-Онофре

1

– Мы же не ворье кладбищенское, – объяснил Николен. – Только выкопаем гроб и снимем с крышки серебро. Открывать не будем, тихо-мирно зароем обратно. Чего тут плохого? Так и так эти серебряные ручки зазря пропадают под землей.

Мы все пятеро задумались. Садящееся солнце заливало нашу долину янтарным светом, тени от куч плавника на широком песчаном пляже дотягивались до валунов у подножия обрыва, на котором мы сидели. Каждое переплетение отполированных морем коряг могло оказаться могильным холмиком. Я представил, как разгребая грязь и что нахожу внизу...

Габби Мендес бросил камешком в пролетающую чайку.

– Ну и чем это лучше кладбищенских воров? – спросил он Николену.

– Кладбищенский вор оскверняет само тело. – Николен подмигнул мне. В подобных делах мы всегда действуем на пару. – А мы ничего такого не будем. Искать запонки или пряжки, снимать кольца или там золотые зубы рвать – нет!

– Фу! – сказала Кристин Мариани.

Мы сидели на обрыве над устьем реки: Стив Николен и Габби, Кристин и Мандо Коста, Дел Симпсон и я – старые друзья, выросли вместе, здесь, на этом месте, собирались почти каждый вечер, спорили, говорили, строили воздушные замки... впрочем, воздушные замки – это по нашей с Николеном части. Под нами, у первой излучины реки, сушились перевернутые рыбацьи лодки. Приятно было сидеть на теплом песке с друзьями, глядеть, как играет солнце на гребнях волн, и знать, что дневная работа закончена.

– Накопаям серебра – станем королями толкучки, – продолжал Николен. – И королевскими, – добавил он, глядя на Кристин. – Захотим, так все скупим. А захотим, двинем вдоль побережья. Или через материк. И вообще, будем делать что вздумается.

«А не то, что тебе отец велит», – подумал я. Однако, сказать по правде, слова его меня завели.

– А как узнать, на каком гробе серебряные ручки? – спросил все еще не убежденный Габби. – Чтобы зря не копать.

– Ты бы слышал, что старик говорил про тогдашние похороны, – ухмыльнулся Николен. – Генри, расскажи им.

– Они тогда жуть как боялись смерти, – сообщил я тоном знатока. – Поэтому и устраивали пышные похороны, не хотели думать, как там все на самом деле. Том говорит, на похороны тратили до пяти тысяч долларов.

Стив одобительно кивнул:

– Он говорит, каждый гроб обивали серебром.

– Он еще говорит, мол, люди по Луне ходили, – заметил Габби. – Только я не полечу туда следы искать.

Но я почти убедил его; он знал, что Том Барнард, который учил нас (Стива, Мандо и меня так уж точно) грамоте, начнет расписывать старинную роскошь во всех подробностях, только попроси.

– Всего-то делов – дойти по бетонке до развалин, – продолжал Николен, – и найти богатый могильный камень.

– Том не велит туда ходить, – напомнила Кристин.

Николен запрокинул голову и рассмеялся.

– Том просто боится, – объявил он, потом добавил уже серьезнее. – Это понятно, после всего что он пережил. Но там никого нет, кроме помоечных крыс, да и те ночью спят.

Он не мог знать наверняка, мы там не были, ни днем ни ночью. Однако, прежде чем Габби успел на это указать, Мандо вскрикнул:

– Ночью?

– А то! – громко ответил Николен.

– Говорят, мусорщики, если поймают, обязательно съедят, – сказала Кристин.

– Твой отец позволит тебе уйти от больных или с огорода днем? – спросил Николен у Мандо. – Ну и у нас такая же история, только хуже. Копать придется ночью. – Он понизил голос: – Тем более ночь – самое время раскапывать могилы на кладбище.

Он рассмеялся, глядя на испуганную физиономию Мандо.

– Раскапывать могилы на берегу можно в любое время, – сказал я как бы про себя.

– Я могу достать лопаты, – сказал Дел.

– А я – принести фонарь, – подхватил Мандо. Он торопился показать, что не боится.

И вот мы уже сидим и составляем план. Я выпрямился и стал слушать внимательней. Вообще-то я немного удивился. Мы с Николеном и раньше много чего задумывали: поймать в западню тигра, или поискать затонувшие сокровища возле бетонного рифа, или выплавить серебро из железнодорожных рельсов. Но когда начинали обсуждать, рано или поздно обнаруживались какие-нибудь практические сложности, так что все это был просто треп. Однако теперешний замысел требовал от нас просто-напросто пробраться в развалины (а мы всегда божились, что только об этом и мечтаем) и раскопать могилу. Мы обсудили, в какую ночь мусорщиков почти наверняка не будет на кладбище (в полнолуние, заверил Николен Мандо, когда видны привидения), кого нам взять с собой и от кого таиться, как порубить серебряные ручки на куски, чтобы годились на обмен, и все такое.

Красный солнечный диск коснулся океана, похолодало. Габби встал, потер зад и сказал, что на ужин у них дичь. Мы тоже встали.

– А что, ведь сделаем, – решительно сказал Николен. – И я, черт возьми, готов.

Я откололся от остальных и пошел по краю обрыва. На пляже внизу отливные озерца поблескивали темным серебром. У каждого была красная каемка – маленькие подобия огромного океана за ними. По другую сторону от меня извивалась меж подступающих к морю холмов долина, наша долина. Деревья на холмах качали ветками под вечерним бризом, поздняя весенняя зелень в свете заходящего солнца казалась пожухлой. На многие мили вдоль берега ели, пихты и сосны колыхались, словно волосы огромного живого существа. Я шел, ветер колыхал и мои волосы. На изрезанных оврагами склонах не угадывалось никаких следов человека (хотя люди там были); только деревья – высокие и низкие, секвойи, сосны, эвкалипты – да темные холмы, спускающиеся к океану. Я шел по янтарному краю обрыва, и я был счастлив. Мне и в голову не приходило, что мы с друзьями вступаем в лето, которое... которое переменит нас всех. Сейчас, несколько месяцев спустя, когда я пишу об этом, а на дворе лютует зима, какой на моей памяти еще не было, у меня есть преимущество: я знаю, чем все кончилось, – все, что началось с нашей вылазки за серебром. И дело не столько в том, что после этого случилось, сколько в том, чего не случилось, в том, как мы обманулись. И в том, к чему почувствовали вкус. Понимаете, я изголодался: не в смысле – хотел есть (это всегда), но по другой жизни. Мне надоело только ловить рыбу, рубить дрова и проверять силки. А Николен изголодался еще сильнее.

Однако я забегаю вперед. Когда я шагал по крутому обрыву между лесом и морем, у меня не было ни предчувствий, ни опасений, ни желания прислушаться к советам старика – только радостное волнение. Я свернул на южную дорогу к нашей с отцом хижине. Запах сосновой смолы и соли щекотал ноздри. Я захмелел от голода и волнения и уже воображал куски серебра

размером с дюжину десятицентовиков. Мне пришло в голову, что мы с друзьями наконец-то сделаем то, что много раз хвастливо обещали сделать, – и по телу у меня пробежала приятная дрожь. Я перепрыгивал с корня на корень и думал: мы вторгаемся на территорию мусорщиков, проникаем на север в развалины округа Ориндж.

В ночь, которую мы выбрали для похода, с океана тянуло туманом, белесые клочья призрачно отсвечивали под ущербной луной. Я ждал в хижине, у самой двери, слушая, как храпит отец. Час назад он заснул под мое чтение и теперь лежал на боку, положив мозолистую руку на вмятину возле уха. Отец у меня хромой и не шибко быстро соображает – это его лошадь покалечила, я тогда был еще маленький. Мама, пока была жива, всегда читала ему перед сном, а когда умерла, он послал меня к Тому учиться. «Будет нам обоим на пользу», – сказал он, по обыкновению, с растяжкой. И похоже, не ошибся.

Я грел руки над потухшими углями, потому что дверь оставил приоткрытой и с улицы тянуло холодом. Снаружи большие эвкалипты у дороги качались на ветру, то появляясь в дверной щели, то исчезая. Раз я увидел, что кто-то под ними стоит, но тут в дом вплыл клоч влажного тумана. Он принес запах речной сырости, а когда рассеялся, под деревьями уже никого не было. Мне стало не по себе. Скорее бы ребята пришли. Слышался только отцов храп, да еще капало с деревьев на крышу.

«У-уху, у-уху». Оказывается, я задремал, и Николен разбудил меня своим кличем. Очень похоже на большую ущельную сову, только совы кричат раз-два в году, так что, по-моему, для тайного зова это не очень. Впрочем, все лучше, чем кашлять кугуаром, как хотел сперва Николен – так и пулю схлопотать недолго.

Я выскользнул за дверь и побежал по тропке к эвкалиптам. Николен нес на плечах две лопаты Дела; сам Дел и Габби стояли у него за спиной.

– Надо еще за Мандо зайти, – сказал я.

Дел и Габби переглянулись.

– За Костой? – переспросил Николен. Я посмотрел на него пристально.

– Мандо будет ждать.

Мы с Мандо моложе остальных, я на год, Мандо – на три, поэтому иногда я считал, что должен за него заступаться.

– Так и так мимо пойдем, – сказал ребятам Николен.

Вдоль речки мы добрались до моста, перешли на другую сторону и почесали вверх по склону к дому Косты.

Док Коста построил свое жилище из железных бочек, и выглядит оно таинственно, ни дать ни взять маленький черный замок из книжки Тома – приземистый, как лягушка, а в тумане еще и мрачный, как не знаю что. Николен прокричал совой, Мандо вышел почти сразу.

– Не передумали сегодня идти? – спросил он, вглядываясь в туман.

– Не, – быстро ответил я, пока остальные не заметили его колебаний и не велели, коли трусит, сидеть дома. – Фонарь принес?

– Забыл.

Он сбегал за фонарем, мы вернулись на бетонку и пошли к северу.

Шли быстро, чтобы согреться. Автострада в тумане тянулась двумя белыми лентами, бетон сильно потрескался, из трещин лезла черная трава. Скоро перевалили через хребет на севере нашей долины, пересекли узкое русло Сан-Матео и двинулись через холмы Сан-Клементе. Дорога шла вверх-вниз, мы старались держаться ближе друг к другу и почти не разговаривали. В лесу по обеим сторонам дороги виднелись развалины: стены из бетонных блоков, крыши на столбах, перекинутая с дерева на дерево запутанная проволока. Все было мрачно и неподвижно. Однако мы знали: где-то тут живут мусорщики, поэтому шли быстро и бесшумно, как привидения, о которых Дел с Габби шутили милою назад, пока их тоже не пробрало. Дальше

автострада ныряла на дно каньона, и мы оказались в сыром тумане, как в молоке, виден был только растрескавшийся бетон под ногами. Из влажной темноты доносился треск и звук падающих капель, словно кто-то раздвигает мокрые ветки. Не нас ли выслеживает?

Николен остановился взглянуть на отходящую вправо дорожку.

– Та самая, – прошипел он. – Кладбище в конце этой долины.

– Откуда ты знаешь? – Обычный голос Габби прозвучал ужасно громко.

– Сходил сюда и разведаль, – отвечал Николен. – Откуда еще?

Мы пошли за ним по проселку. Нас здорово потрясло, что он ходил сюда один. Даже мне не рассказал. В лесу зданий было чуть ли не больше, чем деревьев, больших зданий. Они обрушились как попало: двери и окна выбиты, словно зубы, из каждой щели лезут папоротники и ежевика, крыши холмами громоздятся на земле. Туман полз по улице вместе с нами, в темноте что-то шуршало, будто тысячи шаркающих ног. Местами прямо на дороге лежали столбы, между ними тянулись провода; мы перешагивали, стараясь не задеть проволоку.

Лай койота прорезал тишину. Мы замерли. Койот или мусорщик? Лай не повторялся, и мы двинулись дальше. Нервишки явно пошаливали. В конце долины улица круто поднималась в гору. Подъем вывел нас на прорезанное каньоном плато. Здесь когда-то был верхний город Сан-Клементе. Большие дома теснились ряд за рядом, как вяленая рыба на жердях – можно подумать, в городе жило столько народу, что нельзя было дать каждой семье по приличному садику. Многие дома осели и заросли травой, от других остались только полы да трубы, похожие на тянущиеся из могилы руки. Я и прежде слышал, что мусорщики разбирают на дрова дом, в котором живут, а когда все сожгут, перебираются в следующий, но впервые своими глазами видел результат – разор и запустение.

Николен остановился на заваленном головешками перекрестке.

– Сюда, – скомандовал он.

Мы двинулись за ним на север, по улице, которая шла вдоль края плато, параллельно океану. Под нами лежал еще один океан, туманный, и мы, можно сказать, снова шли по берегу. Иногда белесые волны набегали на нас. Дома кончились, началась ограда, железные перекладины между каменными столбиками. За оградой в густой траве виднелись каменные плиты – кладбище. Мы остановились. В тумане не видно было, где оно кончается. Сколько хватал глаз, холмистое плато было испещрено светлыми прямоугольниками. Наконец мы обнаружили дыру в ограде и вошли в густую траву между кустами и надгробиями.

Могилы тянулись такими же ровными рядами, как и дома. Вдруг Николен поднял лицо к небу и дурным голосом взвыл: *йип-йип-иу-ии-у-и-у-ии* – ни дать ни взять койот.

– Прекрати, – злобно сказал Габби. – Сейчас все собаки сбегутся.

– Или мусорщики, – боязливо добавил Мандо.

Николен рассмеялся:

– Ребята, мы стоим на серебряной жиле.

Он наклонился прочесть надпись на плите, не смог – слишком темно, – перескочил через нее и нагнулся над следующей.

– Гляньте, какой здоровущий камень. – Он поднес лицо к самому надгробию и, нащупывая пальцами буквы, прочел: – «Мистер Джон Эпплби. 1904–1984». Умер, когда надо, жил небось в одном из тех больших домов, камень у него большой – точно богач, а?

– Если он был богатый, на камне должно быть много написано, – сказал я.

– Написано, будь спок, – сказал Николен. – «Любимому отцу...», кажись, и все такое.

Ну что, попробуем этого?

Довольно долго никто не отвечал, потом Габ процедил:

– Можно и этого.

– Отлично. – Николен положил одну лопату и взвесил на руке другую. – Снимем дерн.

Он стал окапывать край будущей ямы. Габби, Дел, Мандо и я смотрели. Стив поднял голову и увидел, что мы стоим.

– Ну, – быстро спросил он, – а вам серебро не нужно?

Я перелез через плиту и тоже взялся за лопату. Мне и раньше хотелось, только было боязно. Мы сняли дерн и принялись с жаром копать землю. Когда яма стала по колено, нас сменили Габби и Дел. Мы оба задохлись, я вспотел и потому сразу стал мерзнуть. Комки мокрой глины чавкали под ногами. Скоро Габби сказал:

– Темнеет. Зажгите фонарь.

Мандо достал кресало и поджег фитиль.

Фонарь давал мертвенный желтый свет. От него было больше теней, чем толку. Я отошел, чтобы согреться и дать глазам снова привыкнуть к темноте. Руки у меня были в грязи, на душе скребли кошки. Издали огонек казался больше и слабее, видны были черные силуэты ребят. Габби и Мандо, который сменил Дела, зарылись уже по пояс. Я дошел до выкопанной и не засыпанной могилы, вздрогнул и, тяжело дыша, заспешил обратно к фонарю.

Габби поднял голову: она была как раз вровень с кучей земли, которую мы накидали.

– Глубоко хоронили, – сказал он чужим голосом и выбросил еще лопату грязи.

– Может, этого уже выкопали, – предположил Дел, глядя в яму на Мандо, который за один бросок выкидывал горстку земли.

– Да уж конечно, – фыркнул Николен. – А может, его закопали живым и он выполз сам.

– У меня руки болят, – сказал Мандо. Черенок его лопаты был сделан из сука, да и ладони у него нежные.

– «У меня ручки болят», – передразнил Николен. – Вылезай тогда.

Мандо вылез, Стив спрыгнул на его место и принялся остервенело копать. Из ямы полетела грязь.

Я поискал глазами звезды, но ни одной не нашел. Однако чувствовалось, что уже поздно. Холодало, зверски хотелось есть. Туман сгушался. Совсем близко воздух казался чистым, дальше становилась заметна дымка, а в нескольких ярдах уже было сплошное молоко. Нас окружал белесый кокон, а из-за него выглядывали тени: руки тянулись, лица подмигивали, ноги быстро переступали...

Звяк. Николен задел что-то штыком лопаты. Он перестал копать и, держа обе руки на рукоятке, вгляделся вниз. Потом на пробу постучал: звяк, звяк, звяк.

– Есть, – сказал он вслух и вновь принялся выбрасывать из ямы грязь. Покопав немного, велел: – Посветите сюда.

Мандо поднял фонарь и осветил могилу. Я увидел лица ребят, грязные, потные, с огромными белками глаз. У меня руки были грязные по локоть.

Однако оказалось, это только начало. Николен разразился ругательствами. Скоро мы поняли: наша яма, пять футов на три, вскрыла только конец гроба.

– Эта штука закопана под могильной плитой!

Сам гроб торчал из сплошной глины. Мы некоторое время спорили, что делать, и сошлись на предложении Николену – соскрести грязь с крышки и боков гроба, а потом втащить его в нашу яму. Мы соскребли, насколько могли дотянуться, потом Николен сказал:

– Генри, ты меньше всех копал, и вообще ты тощий и длинный, так что лезь туда и выталкивай грязь к нам.

Я отнекивался, но все сказали, мол, Генри справится лучше других. И в итоге, вообразите: я лежу на крышке гроба, пальцами выгребаю глину и выталкиваю наружу, а на спину и на задницу мне капает грязь. Только безостановочная ругань помогала забыть, что лежит там под досками, точно параллельно моему телу. Ребята подбадривали меня криками вроде: «Ну ладно, мы пошли», или: «Ой, кто это вылезает?», или: «Чуешь, как гроб трясется?» – по-

моему, ничуть не смешно. Наконец я нащупал заднюю стенку гроба, выполз из дыры и принялся счищать с себя грязь, что-то бормоча от страха и отвращения.

– Генри, я знал, ты не подведешь, – сказал Стив, прыгивая в могилу.

Теперь была их с Делом очередь подлезать, тащить и отдуваться. Наконец гроб подался и выскользнул в яму. Дел со Стивом упали.

Черную древесину гроба покрывала зеленоватая пленка, которая в свете фонаря отливала павлиньим пером. Габби счистил с ручек грязь и обтер выступающий обод крышки – и то и другое было серебряное.

– Гляньте на ручки, – с почтением сказал Дел.

Их было шесть, по три с каждого бока, яркие и блестящие, будто вчера закопаны, а не шестьдесят лет назад. Я заметил вмятину в крышке, там, куда Николен первый раз угодил лопатой.

– Ух, это же все серебро, – сказал Мандо.

Мы глядели. Я вообразил нас на следующей толкучке: идем, разодетые в меха, сапоги и шляпы с перьями, что твои мусорщики, и придерживаем штаны, чтоб не свалились от тяжести серебряного лома в карманах. Мы начали орать, и вопить, и хлопать друг друга по спине. Потом перестали и еще поглядели, и снова принялись орать. Габби потер одну из ручек пальцем и наморщил нос.

– Хм, – сказал он, – н-да...

Он схватил прислоненную к могильной стенке лопату и ударил по ручке. Звук не походил на удар металла по металлу. И на ручке осталась выбоина. Габби взглянул на Стива и Дела, нагнулся разглядеть поближе. Еще раз ударил лопатой. Тук-тук-тук. Пощупал рукой.

– Не серебро, – сказал он. – Ломается. Что-то вроде... вроде пластмассы.

– Черт.

Николен прыгнул в могилу, рубанул лопатой по ободу крышки и рассек его пополам.

Мы снова устались на гроб, только теперь никто не вопил.

– Чтоб он сдох, старый вун. – Николен бросил лопату на землю. – Дескать, каждые похороны стоили состояние. И дескать... – Он остановился: мы все отлично знали, что рассказывал старик. – Дескать, здесь будет серебро.

Они с Габби и Делом стояли в могиле. Мандо опустил фонарь на гробовую доску.

– Надо было назвать ее гробовой тоской, – сказал он, стараясь разрядить обстановку.

Николен услышал и скривился:

– Может, поищем кольца, пряжки?

– Нет! – закричал Мандо.

Мы рассмеялись.

– Кольца, пряжки и зубные коронки? – резко повторил Николен, подмигивая Габби. Мандо яростно замотал головой – вот-вот расплачется. Мы с Делом снова засмеялись. Габби с оскорбленным видом выкарабкался из ямы. Николен запрокинул голову и издал отрывистый смешок. Потом тоже вылез.

– Давайте зароем этого, а потом пойдем и уроем старика.

Мы стали бросать лопатами грязь. Первые комья ударили по гробу с отвратительным глухим стуком. Закапывать оказалось легко. Мы с Мандо постарались получше уложить дерн. Все равно вид у могилы был отвратительным.

– Будто он там под землей брыкался, – сказал Габби.

Погасили фонарь, тронулись. Туман тек по пустым улицам, как вода по речному руслу, и мы шли по дну меж затопленных руин и черных водорослей. На автостраде это ощущение почти исчезло, зато ветер задул сильнее и стало совсем холодно. Мы чесали на юг во все лопатки, никто не раскрывал рта. Согревшись, пошли чуть помедленнее, и Николен заговорил:

– Раз они делали пластмассовые ручки под серебро, значит, кого-то и впрямь закапывали в гробах с серебряными ручками – тех, что побогаче, или тех, кого хоронили до тысяча девятьсот восемьдесят четвертого, или уж не знаю кого.

Мы поняли, что он как бы предлагает еще покопать, и потому никто не стал соглашаться, хотя предположение звучало здраво. Стив обиделся и быстро пошел вперед, так что вскоре его фигура с трудом угадывалась в тумане. Мы почти вышли из Сан-Клементе.

– Какая-то долбаная пластмасса, – говорил Делу Габби. Он начал смеяться, все пуще и пуще, так что ему пришлось опереться Делу на плечо. – Ох-хо-хо... Ночь напролет выкапывали пять фунтов пластмассы. Пластмассы!

Внезапно ночную тишину прорезал не то вой, не то визг – протяжный, сперва низкий, потом все более высокий и громкий. Ничего подобного я в жизни не слышал; ничто живое не могло издавать этот звук. Достигнув пика своей громкости, он стал дрожать на двух нотах – оооооо-ишшшш-оооооо-ишшшш-оооооо – и так без конца, словно визжали все покойники округа Ориндж или все погибшие под бомбами повторяли свой предсмертный вопль.

Мы прибавили шагу, потом пустились бежать. Вой продолжался и, похоже, следовал за нами.

– Кто это? – вскричал Мандо.

– Мусорщики, – прошипел Николен.

Звук дрожал, все ближе и ближе.

– Быстрее! – перекикивал его Стив. Ямы в дороге ничуть нас не задерживали: мы летели через них. За нами по бетону и по насыпи автострады застучали камни.

– Лопаты не теряйте! – крикнул Дел.

Теперь, когда я понял, что преследуют нас всего-навсего мусорщики, мне стало спокойнее. Я поднял с дороги увесистый булыжник. Позади был только туман, туман и вой, но оттуда с завидной частотой летели камни. Я бросил свой булыжник и помчался вдогонку ребятам. Вслед нам неслись вопли – то ли звериные, то ли человеческие. Однако все перекрывал вой, который вздымался и опадал, и снова вздымался.

– Генри! – крикнул Стив.

Остальные уже были с ним под насыпью. Я спрыгнул и побежал вниз по траве.

– Камней наберите, – приказал Николен.

Мы похватали булыжников и все разом швырнули их в направлении дороги. Там кто-то завопил.

– Одного подбили! – объявил Николен, но проверить было невозможно.

Мы взбежали на бетонку и дали деру. Вой отставал. Мы были уже в долине Сан-Матео, на пути к Бейзилонскому перевалу, за которым начинаются наши места. Позади все еще слышался вой, приглушенный расстоянием и туманом.

– Должно быть, сирена, – сказал Стив. – То, что они называют сиреной. Шумовая машина. Надо спросить Рафаэля.

Мы побросали оставшиеся камни в направлении звука и потрусили через перевал в Онофре.

– Чертовы мусорщики, – сказал Николен, когда мы вышли к реке и немного отдышались. – Узнать бы, как они нас выследили.

– Может, бродили и случайно наткнулись? – предположил я.

– Не верится.

– Мне тоже. – Однако я не мог придумать более правдоподобного объяснения, а Стив молчал. Впрочем, трудно верилось и в то, что бывает такой мерзкий вой.

– Я домой, – сказал Мандо с ноткой явного облегчения.

Голос его прозвучал странно – испуганно, что ли. Меня прошиб озноб.

– Валяй. С помоечными крысами справимся в следующий раз.

Через пять минут мы уже были на мосту. Габби с Делом пошли вдоль реки вверх, а мы с Николеном остановились на развилке. Он принялся обсуждать вылазку, ругал старика, мусорщиков и Джона Эпплби – всех подряд. Видно было, что он на взводе и готов говорить хоть до зари, но я устал. Я не такой бесстрашный и все не мог забыть тот вой. Сирена или нет, только уж больно не по-человечески вопит. Поэтому я попрощался со Стивом и проскользнул в хижину. Отцов храп ненадолго прекратился, потом зазвучал снова. Я оторвал ломоть от завтрашней буханки хлеба и затолкал в рот. На зубах закрипела грязь. Я окунул руки в умывальное ведро, вытер, но они все равно пахли могилой. Плюнул, как был, грязный, завалился в кровать и заснул, не успев согреться.

2

Мне снилось, что мы засыпаем могилу. Комья грязи глухо и жутко стучали по крышке гроба, но в моем сне стук раздавался изнутри, все громче и отчаянней с каждой лопатой земли.

В середине кошмара меня разбудил отец:

– Сегодня утром на берегу нашли мертвеца. Морем выбросило.

– А? – Я ошалело вскочил с кровати.

Отец в испуге отпрянул.

Я наклонился над умывальным ведром и плеснул в лицо воды.

– Чего ты сказал?

– Опять китайца нашли. Ты весь в грязи. Что с тобой? Снова шляется ночью?

Я кивнул:

– Укрытие строили.

Отец растерянно и недовольно покачал головой.

– Жрать охота, – добавил я и потянулся за хлебом. Снял с полки чашку, зачерпнул из ведра.

– У нас только хлеб.

– Знаю. – Я отколупнул от буханки. Хлеб у Кэтрин хороший, даже когда заветрится. Подошел к двери, открыл. Полоска света разрежала темноту заколоченной хижины. Я высунул голову наружу: тусклое солнце, мокрые деревья у реки обвисли. Свет падал на отцов швейный стол и старую, лоснящуюся от долгого употребления машинку. Дальше была печка, а рядом с уходящей в потолок трубой – посудная полка. Еще стол, стулья, шкаф и кровати – вот и все наше имущество, скромные пожитки простых людей, занятых немудреным трудом. Да и кому оно нужно, отцово шитье...

– Поторопись к лодкам, – строго сказал отец, – вон времени сколько, скоро отчалят.

– Ага. – Я понял, что и впрямь припозднился. Дожевывая хлеб, надел рубашку, ботинки и выбежал на улицу. Отец вдогонку пожелал мне удачи.

На бетонке меня остановил Мандо.

– Китайца нашли, слышал? – крикнул он.

– Ага! Ты видел?

– Да. Отец ходил взглянуть, а я следом увязался.

– Застреленный?

– Ага. Четыре пулевых ранения, прямо в грудь.

– Дела... – Это был далеко не первый выброшенный морем труп. – Интересно, из-за чего они там воюют?

Мандо пожал плечами. На картофельном поле за дорогой раскрасневшаяся Ребл Симпсон с криками гонялась за собакой. У той в зубах была картофелина.

– Отец говорит, в море береговая охрана, чтобы никого не впускать.

– Знаю, – сказал я, – просто интересно, к чему все это.

Огромные корабли, которые возникают в море, обычно у горизонта, иногда ближе; простреленные тела, которые время от времени выбрасывает на берег. Вот, по-моему, и все, что мы знаем о внешнем мире. Иногда любопытство так донимает, что аж злость берет. А вот Мандо, наоборот, верит, что его отец (который на самом деле только повторяет за стариком) все объясняет правильно. Он проводил меня до обрыва. Горизонт был затянут облаками – позже, когда ветер пригонит их к берегу, они станут туманом. На отмели в лодки грузили сети.

– Ну, мне пора, – сказал я Мандо. – До скорого.

Когда я спустился с обрыва, лодки уже затаскивали в воду. Стив тащил самую маленькую, она была еще на песке, я подошел ему пособить. Джон Николен, отец Стива, взглянул на меня внимательно.

– Берите удочки, вы оба, – сказал он. – Сегодня от вас мало проку.

Я сделал деревянное лицо. Николен-старший пошел прочь, командовать, чтобы отчаливали.

– Он знает, что мы ночью уходили?

– Ага. – Стив скривил губы. – Я, когда пробирался в дом, споткнулся о сушильную стойку.

– Схлопотал?

– А ты как думаешь?

Он повернулся и показал синяк под ухом. Настроение у него было неразговорчивое, я пошел помочь со следующей лодкой. Ледяная вода в ботинках наконец-то меня разбудила. Прибой с легким шуршанием набегал на берег – волнение небольшое. Дошел черед до маленькой лодки, мы со Стивом запрыгнули, нас оттолкнули. Мы лениво гребли по течению и без хлопот миновали бурун у входа в устье.

За бум, который отмечал основной риф, началась обычная работа. Три большие лодки кружили, растягивая кошельковую сеть; мы со Стивом направились на юг, остальные удильщики на север. В южном конце долины была небольшая бухточка, почти вся занятая бетонным рифом. Между этим рифом и большим дальним оставался пролив, и туда самая быстрая рыба устремляется, когда забрасывают сеть. Здесь обычно хороший клев. Мы зацепились якорем за бетон и дали волнам вынести нас в пролив, почти к белому выступу рифа. Достали удочки. Я привязал к леске блесну – отполированный металлический стержень – и, держа ее наготове, сказал Стиву:

– Ручка от гроба.

Тот не рассмеялся. Я дал блесне опуститься на дно, потом стал медленно поднимать.

Забрасываешь блесну, вытягиваешь, снова забрасываешь. Иногда удочка выгибается, багор доканчивает несколько минут борьбы, и все начинается по новой. Севернее выбирали серебряные от бьющейся рыбы сети, лодки кренились от тяжести, словно сейчас опрокинутся. Мне казалось, что прибрежные холмы мерно поднимаются и опускаются. Солнце проглядывало сквозь облака, сочно зеленел лес, уныло серели обрыв и голые вершины холмов.

Пять лет назад, когда мне было двенадцать и отец впервые отдал меня в работники Джону Николену, я обожал рыбачить. Все мне нравилось: сама ловля, настроения океана, дружная работа мужчин, завораживающий вид берега. Но с тех пор много воды утекло под килем и много рыбы переброшено через планшир – и крупной, и мелкой. Иногда мы возвращались с пустыми руками, иногда – с руками, усталыми и пораненными после особенно большого улова. В хорошую погоду, когда небо чистое, а вода ровная, как тарелка, в ветреную, когда море пенится белыми барашками, в дождь, когда холмы превращаются в серый мираж, в шторм, когда облака скакунами несутся над головой... а чаще в такие дни, как сегодняшний: умеренная зыбь, лучи пробиваются сквозь облака, обычный клев. Тысячи таких дней лишили рыбалку всякого очарования. Работа как работа, ничего больше.

Волны убаюкивали, и, когда не клевало, я задремывал. Хорошо было скрючиться и положить голову на планшир или свернуться на банке, хотя тогда рыбины лупили меня хвостами. Остальное время я дремал над удочкой и просыпался, когда она дергалась и тыкала меня в живот. Тогда я подсекал, цеплял багром, втаскивал рыбину в лодку, оглушал ударом о дно, освобождал блесну, снова забрасывал и засыпал. Наконец мне это надоело. Я лег спиной на банку (три фута длиной), поджал колени, осторожно пристроил пятки на планшир и собрался минут десять соснуть.

– Генри!

– Что? – Я выпрямился и машинально проверил удочку.

– Мы уж порядком наловили.

Я пересчитал скумбрий и окуней на дне лодки:

– Да, с дюжину.

– Хорошо клюет. Может, сумею вырваться вечером, – с надеждой сказал Стив.

Я сомневался, но промолчал. Солнце совсем скрылось за тучами, океан сделался серым, холодало. Потянуло туманом.

– Похоже, вечер проведем на берегу, – сказал я.

– Ага. Надо зайти к Барнарду – дать старику по мозгам, чтоб в следующий раз не зави-
рался.

– Само собой.

Потом у обоих клюнуло по большой рыбине, и пришлось следить, чтобы не спутались лески. Мы еще возились, когда Рафаэль продудел сигнал к возвращению. Сети были выбраны, туман быстро сгущался: конец лову. Мы со Стивом откликнулись, спешно вытащили добычу, вставили весла в уключины и принялись грести к рыбакам. Лодки были перегружены, часть улова переложили к нам, и маленькая флотилия двинулась к устью реки.

Семья Николен и остальные помогли нам выволочь лодки на песок и отнести рыбу к разделочным столам. Чайки допекали все время, кричали и хлопали крыльями. Освободив лодку от улова и втащив на песок, Стив подошел к отцу. Тот осматривал сети и выговаривал Рафаэлю, что веревки перекручены.

– Па, можно я теперь пойду? – спросил Стив. – Нам с Хэнкером¹ надо к Тому, на урок. (Это была правда.)

– Нет, – отрезал Николен-старший, придиричиво оглядывая невод. – Поможете нам поправить сеть. А потом будешь с матерью и сестрами чистить рыбу.

Сперва Джон силком гонял Стива к старику, считая умение читать признаком зажиточности и положения в поселке. Зато когда Стив полюбил учебу, что произошло не сразу, отец перестал его отпускать, используя запрет как новое оружие в их извечной войне. Джон и Стив сердито зыркали друг на друга: сын чуть выше, отец заметно шире, оба темноволосые, голубоглазые, с квадратными подбородками, с крупными прямыми носами... Джон как бы подначивал Стива: мол, попробуй возрази на людях. Секунду я думал, что Стив не снесет и затеет ссору, которая бог весть еще чем закончится. Однако нет – повернулся и побрел к разделочным столам. Я подождал, пока он немного остынет, и пошел следом.

– Я скажу старику, что ты придеешь позже.

– Ладно. – Стив не глядел в мою сторону. – Приду, как освобожусь.

Николен-старший дал мне три окуня в сетке, которую велел вернуть. Я поднялся на обрыв. Почти все дома на второй излучине реки были заброшены. У берега ребятня полоскала белье; чуть выше по течению, возле дома Мариани, женщины пекли хлеб. Вдали от моря было тихо; над спокойной рекой явственно разносился собачий лай.

Я отнес рыбу отцу. Он сразу вскочил из-за машинки – проголодался.

– Славненько, славненько. Одну сейчас пожарю, остальных повешу вялиться.

Я сказал, что иду к старику, отец кивнул и потянул себя за длинный ус:

– Поешь вечером, ладно?

– Лады, – сказал я и пошел.

Старик жил на склоне хребта, закрывавшего долину с юга. Дом едва помещался на крохотном плоском уступе. С его порога был лучший в Онофре обзор. Когда я пришел, дом – деревянный ящик в четыре комнаты с отличным окном спереди – был пуст. Я осторожно пересек свалку во дворе: рамки для сот, мотки телефонного провода, солнечные часы, резиновые

¹ Хэнкер, Хэнк – варианты имени Генри. (Здесь и далее примеч. пер.)

покрышки, бочки для сбора дождевой воды с брезентовыми раструбами наверху, разобранные движки, сломанные моторы, ходики, газовые плиты, железные клетки со всякой всячиной, большие куски битого стекла, крысоловки, которые старик постоянно переставляет – в общем, под ноги надо смотреть постоянно. Рафаэль такие штуки чинит или разбирает на запчасти, но у Тома во дворе они только предлог для разговора. Зачем к козлам для пилки дров приделан автомобильный мотор, и вообще, как старик втащил его на гору? Этого Том и хотел – чтобы мы спрашивали.

Я прошел по размытой тропке дальше вдоль гребня. Южнее к морю спускались лесистые отроги – один, другой, третий, и так до самого Пендлттона. Возле вершины тропка сворачивала к югу, в расселину, такую узкую, что летом ручей на ее дне пересыхал. Под эвкалиптами подлесок не растет, и на крутом склоне расселины старик разбил ульи, десятка два белых деревянных колод. Здесь же обнаружился и он сам – в шляпе и накидке от пчел. Расхаживал он там довольно бойко – я хочу сказать, для своих ста с лишком лет. Так и снует между ульями – из одного вынет рамку, тронет перчаткой, другой пнет, третьему погрозит пальцем – и, быюсь об заклад, хотя лица за шляпой не видел, говорит без умолку. Том говорит со всеми: с людьми, сам с собой, с деревьями, с собаками, с небом, с рыбой на тарелке, с камнем, о который споткнулся... и, разумеется, с пчелами. Он задвинул рамку на место и огляделся во внезапной тревоге. Заметил меня и помахал рукой.

– Не подходи к ульям, зажалят.

– Тебя ведь не жалят.

Он снял шляпу и отогнал пчелу к улью:

– Меня и жалить-то теперь некуда. Да они и не будут: знают, кто за ними ходит.

Седые стариковские волосы развевались на ветру, и мне казалось, что они сливаются с облаками. Борода заправлена под рубаху, «чтобы ни съесть кого из лапушек ненароком». Туман поднимался, образуя потоки облаков. Том потер веснушчатую лысину:

– Пойдем, Генри. От холода пчелки совсем рехнулись. Как окуренные. Чайку выпьешь?

– Обязательно.

(У Тома чай такой крепкий – выпил и почти сыт.)

– Уроки выучил?

– А то. Слыхал, покойника волнами выбросило?

– Я ходил смотреть. К северу от устья. Похоже, японец. Мы закопали его за кладбищем, где они все.

– По-твоему, что с ним приключилось?

– Ну... – Мы свернули к дому. – Кто-то его застрелил!

Я открыл рот, Том хохотнул:

– Полагаю, за попытку посетить Соединенные Штаты Америки. Однако Соединенные Штаты Америки закрыты для посещения.

Старик шел через двор, не глядя под ноги, я трусил по пятам. В доме он продолжил:

– Кто-то объявил нас запретной территорией, мы в черте оседлости, приятель, а вернее, не в черте, а черт-те где. Эти корабли на горизонте – они такие черные, что видны даже в безлунную ночь: тоже мне, маскировка. Я не встречал иностранца – живого иностранца – с того самого дня, а у мертвого много не выпросишь, хи-хи. Долгонько для случайного совпадения, а есть и косвенные свидетельства. Однако вопрос вот в чем: кто нас стережет? – Он наполнил чайник. – Моя гипотеза такова: нас закрыли от людей, чтобы защитить от нападения и уничтожения... Но я уже излагал тебе эти взгляды?

Я кивнул.

– И все же, если на то пошло, я даже не знаю, о ком говорю.

– Они китайцы, да?

– Или японцы.

– Как ты думаешь, они заняли Каталину, чтобы никого сюда не пускать?

– Знаю только, что на Каталине кто-то есть и это не наши. Видел, как ночью весь остров сияет огнями. Да ты и сам видел.

– Еще бы, – сказал я. – Красотища.

– Похоже, теперь Авалон – оживленный порт. Без сомнения, на том берегу есть гавань побольше, что-нибудь с александрийской дамбой. Какое счастье, Генри, хоть что-нибудь знать наверняка. Поразительно, как мало нам известно. Знание – ртуть. – Он подошел к очагу. – Но на Каталине кто-то есть.

– Надо бы сплавить туда и посмотреть кто.

Он мотнул головой, глянул в окно на быстро струящийся туман и сказал невесело:

– Мы бы не вернулись.

Потом подбросил на тлеющие угли сучьев. Мы сели в кресла у окна и стали ждать, когда закипит чайник. Море было в серых заплатах, светлых и темных, а между нами и солнцем пролегла цепочка серебристых пуговиц. Похоже, туман прольется дождем. Николен-старший будет досадовать, в дождь-то ловить можно, не то что в туман. Том состроил гримасу, тысячи морщинок сложились в новый узор.

– «Что случилось с летнею порой, – пропел он, – когда жизнь была чудесна»².

Я подкинул еще сучьев, не трудясь откликаться на сто раз слышанную песню. Том без конца рассказывает про старые времена, например, что наше побережье было безлесной, безводной пустыней. Однако, глядя в окно на лес и клубящиеся облака, чувствуя, как огонь согревает холодный воздух в комнате, вспоминая ночные похождения, я думал – а верить ли старику? В его книжках я не нашел подтверждения и половине историй – и вообще, вдруг он научил меня читать неправильно, чтобы чтение подкрепляло его слова?

Это было бы слишком сложно, решил я, наблюдая, как он сыплет в чайник заварку – травы, собранные на материке. Мне припомнилось, как на толкучке он догнал меня, Стива и Кэтрин – пьяный, возбужденный – и затараторил: «Глядите, что я купил, что у меня есть!» Он потащил нас под фонарь и показал половину драной энциклопедии, открытой на картинке: черное небо над белой равниной и две совершенно белые фигуры под американским флагом. «Видите, Луна! Я вам говорил, мы туда высаживались, а вы не верили». «Я и теперь не верю», – сказал Стив и чуть не помер со смеху, когда старик полез на стену. «Я купил эту книгу за четыре горшка меда, чтоб убедить вас, а вы не верите?» «Не верим!» Мы с Кэтрин тоже были изрядно поддавши и хохотали до упаду. Однако Том сохранил картинку (хотя выкинул энциклопедию), и позже я разглядел Землю – голубой шарик в черном небе, маленький, как наша Луна. Помню, таращился на картинку битый час. Так что самая невероятная из Томовых историй подтвердилась, и я был склонен верить большинству остальных.

– Отлично, – сказал Том, передавая чашку пахучего чая. – Послушаем.

Я собрался с мыслями и представил страницу, которую Том велел мне заучить. Стишки хорошо запоминаются, и я стал читать с воображаемого листа:

И этот воздух, почва и страна
Заменят нам Небесную обитель,
И этот мрак – сияние Небес?! —
В отчаянье вскричал Архангел падший.

Я читал без запинки, мне нравилось разыгрывать дерзкого сатану. Некоторые строчки было особенно здорово орать:

² Парафраз первой строки арии *Summertime* («Летней порой») из оперы Гершвина «Порги и Бесс» (1934).

Тем лучше нам! Простите же, Небес
Счастливые долины, где блаженство
Живет вовек! Привет тебе, привет,
Подземный мир и адская пучина!

Прими и ты Владыку своего.
С собою дух он вносит непреклонный,
Которого не властны изменить
Ни времени течение, ни место.
В самом себе живет бессмертный дух,
Внутри себя создать из ада небо
Способен он и небо – сделать адом.
Где буду я – не все ли мне равно?
Чем я ни стань – я все же буду ниже
Того, кто Сам возвысился над нами
Благодаря громам Своим.
Свободней Мы будем здесь...³

– Отлично, пока хватит, – сказал Том, с довольным видом отворачиваясь от окна. – Лучшие его строки, и половина украдена у Вергилия. Как с другим отрывком?

– Еще лучше, – сказал я самоуверенно. – Вот так:

Я, вдохновленный свыше, как пророк,
В мой смертный час его судьбу провижу.
Огонь его беспутств угаснет скоро:
Пожар ведь истощает сам себя.
Дождь мелкий каплет долго, ливень – краток;
Все время шпора, утомишь коня;
Глотая быстро, можешь подавиться...

– Это он про нас, – перебил Том. – Про Америку. Мы пытались проглотить мир, но подавились. Извини, давай дальше.

Я постарался вспомнить, на чем он меня сбил, и продолжил:

Подумать, что державный этот остров,
Сей славный трон владык – любимцев Марса,
Сей новый рай земной, второй Эдем,
От натисков безжалостной войны
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,
Который словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;
Что Англия...⁴

³ Дж. Мильтон. «Потерянный рай», перевод О. Чюминой.

⁴ У. Шекспир. «Ричард II», перевод М. Донского.

– Довольно! – вскричал Том, прищелкивая языком и трясая головой. – Даже чересчур. Не знаю, что на меня нашло. По крайней мере, я задал тебе стоящий отрывок.

– Ага, – сказал я. – Сразу понятно, почему Шекспир предпочитал Англию другим штатам.

– Да... он был великий американец. Может быть, величайший.

– А что такое ров?

– Ров? Большая канава вокруг какого-нибудь места, через которую трудно перебраться. Сам не мог сообразить из текста?

– Мог бы – не спрашивал.

Старик хихикнул:

– Я слышал это слово в прошлом году на ярмарочке, дальше от побережья. Один фермер сказал: «Выроем вокруг амбара ров». Я даже удивился. Однако странные словечки нет-нет да всплывают. Раз на толкучке я подслушал, что кого-то собираются «обморочить». А кто-то сказал, что цены у меня «флибустьерские». Или вот еще – «ненасытный». Удивительно, как слова проникают в разговорную речь. Что брюху беда, то языку радость. Понимаешь, о чем я?

– Не-а.

– Ты меня удивляешь.

Он с трудом встал, снова наполнил чайник, повесил над очагом и подошел к одному из своих книжных шкафов. В доме у него почти как во дворе – горы всякой рухляди, только мелкой: часы, некоторые даже ходят, битые фарфоровые тарелки, собрание фонарей и ламп, музыкальная машинка (иногда он ставит пластинку и крутит тощим пальцем, нам велит прижать ухо к динамику, откуда шепотом доносятся отрывки музыки, а сам приговаривает: «Вслушайтесь! Это „Героическая симфония!“»), однако большую часть двух стен занимают полки со штабелями ветхих книг. Обычно у старика не допросишься, но в этот раз он сам вытащил книжку и бросил мне на колени.

– Почитай теперь вслух. От того места, которое я отметил.

Я открыл заплесневелую книжицу и начал читать – занятие, которое и сейчас требует от меня огромных усилий, но доставляет огромную радость:

– «Правосудие само по себе безвластно; от природы повелевает сила. Привлечь ее на сторону правосудия, дабы посредством силы главенствовало правосудие, – задача государства, безусловно, трудная; вы поймете всю ее сложность, если вспомните, какой безграничный эгоизм дремлет в груди почти каждого человека, и что многие миллионы людей, подобным образом устроенных, необходимо удерживать в границах мира, порядка и законности. Учитывая это, приходится дивиться, что мир в целом так спокоен и законопослушен, как мы это наблюдаем... (В этом месте старик хохотнул) ...какое положение, впрочем, достигается лишь действием государственных механизмов. Ибо единственное, что дает немедленный результат, – есть физическая сила, поскольку лишь ее люди обыкновенно понимают и уважают...»⁵

– Эй! – Николен ворвался в дом, как сатана в Божью опочивальню. – Убью на месте! – орал он, надвигаясь на старика.

Том вскочил с криком: «Попробуй! Так тебе и удалось!» – И они закружили по комнате. Стив держал старика за плечи на расстоянии вытянутых рук, и тот никак не мог дотянуться до обидчика.

– Чего забиваешь нам голову враками, старый хрен? – заорал Стив, в неподдельной злобе тряся Тома за плечи.

– А ты чего врываешься в дом, как чумовой? К тому же, – добавил старик, явно теряя вкус к их обычной перебранке, – что я сказал не так?

⁵ Артур Шопенгауэр. «О законе и политике».

Стив фыркнул:

– А что ты говоришь так? Наплел, будто покойников хоронили в серебряных гробах. Теперь мы знаем – это враки. Вчера ночью ходили в Сан-Кlemente, раскопали могилу и нашли пластмассу.

– Чего-чего? – Том взглянул на меня. – Чего вы там наворотили?

Я рассказал, как мы ходили в Сан-Кlemente. Когда я дошел до пластмассовых ручек, старик принялся хохотать – плюхнулся на стул и стал смеяться – *хи, хи, хи, хи, хи*, и так до конца рассказа, включая нападение мусорщиков с сиреной.

Николен, хмурясь, стоял над ним.

– Теперь мы знаем, что ты наврал.

– Хи, хи, хи, хи, хи, кхе-кхе. Ничего подобного. Том Барнард всегда говорит правду. Как вы думаете, почему пластмасса была под серебро?

Стив многозначительно взглянул на меня.

– Разумеется, потому, что обычно это было серебро, – продолжал Том. – Вы раскопали какого-то бедолагу, который умер в нищете. Семья купила дешевый гроб. А с какой радости вам вздумалось раскапывать могилы?

– Ради серебра, – сказал Стив.

– Не повезло вам. – Том взял еще чашку, налил. – Я вам говорю, обычно хоронили в серебре. Сядь, Стивен, и выпей чаю.

Стив придвинул деревянный стул, сел и начал прихлебывать чай. Том устроился в кресле и обхватил шишковатыми руками чашку.

– Настоящих богачей хоронили в золоте, – сказал он с расстановкой, глядя на идущий от чашки пар. – А одного так и в золотой маске, повторяющей его черты. В погребальном покое у него стояли золотые статуи жены, собак, детей – и золотые тапочки на ногах, – а по стенам мозаичные картины главных событий его жизни, сплошь из самоцветов...

– Врешь, – сказал Стив.

– Серьезно! Вы же видели развалины, и будете говорить мне, что тамошние люди не осыпали своих покойников серебром?

– Но зачем? – спросил я. – Зачем золотая маска и все остальное?

– Затем, что они были американцы. – Старик отхлебнул чаю. – И это еще мелочь. – Он отрешенно взглянул в окно. – Будет дождь. – Снова отхлебнул, помолчал. – А зачем вам серебро?

Я промолчал – затея была Николенова, пусть сам и отвечает.

– Чтобы менять на вещи, – объяснил Стив. – Чтобы покупать нужное на толкучке. Путешествовать вдоль побережья, например, и выменивать в дороге еду. – Он взглянул на внимательное лицо старика: – Путешествовать, как ты в молодости.

Том пропустил последнее замечание мимо ушей:

– На все нужное вы можете заработать своим трудом. Например, рыбной ловлей.

– Так далеко не уйдешь. На себе, что ли, эту рыбу переть?

– Ты в любом случае далеко не уйдешь. Судя по всему, большие мосты разбомблены. Даже если и доберешься куда, местные оберут тебя и убьют, а нет – серебро все равно когда-нибудь кончится и тебе придется работать на тех же местных. Копать выгребные ямы или что-нибудь такое.

Мы сидели и смотрели на огонь. Дрова потрескивали. Стив упрямо вздохнул. Старик отхлебнул чаю и продолжил:

– Через три дня, если позволит погода, отправимся на толкучку. К твоему сведению, дальше, чем когда-либо. И новых людей там больше.

– В том числе мусорщиков, – сказал я.

– Не связывайтесь с молодыми мусорщиками, – сказал Том.

– Уже связались, – ответил Стив.

Теперь вздохнул Том:

– И без того слишком много стычек и ссор. Зачем? Когда живых – раз-два и обчелся?

– Они первые начали.

В стекло ударили большие капли дождя. Я смотрел, как они стекают, и жалел, что у нас с отцом нет окна. Хотя дверь была закрыта, а небо – затянуто тучами, книги, посуда, лампы и даже стены слабо серебрились, будто подсвеченные изнутри.

– Не смейте драться на толкучке, – сказал Том.

Стив тряхнул головой:

– Не будем, если они первые не начнут.

Том нахмурился и сменил тему:

– Урок выучил?

Стив мотнул головой:

– Работы было много... извини.

Помолчав, я сказал:

– Знаете, что мне это напоминает?

– Что напоминает что? – спросил Том.

– Берег. Как будто сперва были только холмы и долины, до самого горизонта. Потом какой-то великан провел посередине черту, и все к западу от нее опустилось и стало океаном. Там, где черта разрезала холм, получился обрыв, а где долину – болото или пляж. Но везде по прямой, понимаете? Холмы не вдаются в океан, волны не заливают долины.

– Это разлом, – сказал Том задумчиво, словно сверяясь с книжкой у себя в голове. – Поверхность земли состоит из огромных плит, которые медленно ползут. Честно! Очень медленно – может быть, на дюйм за время вашей жизни, за время моей – на два, а мы живем за разломом, вдоль которого плиты соприкасаются. Тихоокеанская плита ползет на север, наш берег – на юг. Потому и прямая линия. И землетрясения – вы их помните – оттого, что плиты трутся. Однажды... однажды в старые времена землетрясение разрушило все прибрежные города. Дома падали, как в тот самый день. Начались пожары, нечем было тушить. Автострады вроде нашей встали дыбом, и поначалу никто не мог приехать, даже спасатели. Многие тогда погибли. Зато когда догорели пожары... понаехали отовсюду. Пригнали машины, привезли материалы, пустили в дело то, что осталось от домов. Через месяц на месте прежних стояли новые города, словно землетрясения не было в помине.

– Врешь, – сказал Стив.

Старик пожал плечами:

– Так было.

Мы сидели и сквозь косые струи дождя смотрели на долину внизу. Черные ливневые щетки мели испещренное барашками море. Несмотря на годы трудов, на квадратики полей у реки, на мостик и крыши домиков – деревянные, черепичные, из телефонного провода, – несмотря на все это, главным признаком человеческого присутствия в долине оставалась автострада – мертвая, в трещинах, наполовину занесенная песком и бесполезная. На наших глазах бетонные плиты намокли, стали из беловатых серыми. Много раз мы сидели вот так у Тома, пили чай и глядели в окно – Стив, и я, и Мандо, и Кэтрин, и Кристин, – занимались уроками или пережидали ливень, и много раз старик рассказывал нам про Америку, и всякий раз показывал на бетонку. Он описывал мчащиеся по ней автомобили, так что я почти видел их: огромные стальные махины всех оттенков и форм спешат по делам в Сан-Диего или Лос-Анджелес, летят друг другу навстречу, рулят, чудом избегая рокового столкновения, свет красных и белых фар скользит по мокрому бетону, озаряет холмы, брызги взмываются вверх и закрывают обзор, и рядом с каждым пассажиром притаилась Смерть – так рассказывал Том, и под конец я уже дивился, что бетонка пуста.

Однако сегодня Том молчал, вздыхал, поглядывал на Стива и качал головой. Прихлебывал чай. Я расстроился. Лучше бы он что-нибудь рассказал. Придется идти домой под дождем, а отец вечно экономит дрова, в хижине колотун, и долго после ужина – рыбы с хлебом – я буду сидеть над углями в промозглой тьме... Бетонка, серая на фоне мокрой лесной зелени, казалась дорогой исполинов, и я думал: неужели автомобили никогда по ней не помчатся?

3

Снаряжать караван на толкучку собиралось почти все население Онофре. У поворота на Бейзилонский перевал нас толклось человек двадцать – кто грузил рыбу на прицепы для перевозки лодок, кто бегал в долину за позабытыми вещами, кто орал на собак, которые раз в жизни сгодились на что-то путное – тащить прицепы. Запрячь их была сушая мука. Вокруг народ ссорился из-за места. Прицепы – легкие железные рамы с двумя колесами – подвижны, но не очень вместительны. Так что старый Том ругался на всякого, кто пробовал изменить опасное нагромождение горшков с медом, Кэтрин столь же рьяно оберегала хлебы, а Стив требовал целые прицепы под свой товар. На толкучку мы возим в основном рыбу – живую и вяленую, девять или десять прицепов, и моя обязанность – помогать с погрузкой Рафаэлю, Стиву, Доку и Габби. Рыба билась, собаки лаяли, Стив командовал направо и налево и распоряжался всеми, кроме Кэтрин, которая бы живо дала ему пинка, а над головой вились чайки и вопили так, будто понимают, что им ничего не достанется. Собаки бесились. В самый разгар невообразимого гвалта мы тронулись.

У берега небо было цвета простокваши, но, когда мы свернули с бетонки в долину Сан-Матео, солнце начало пробиваться сквозь тучи и зеленые холмы засверкали под его лучами. Дорога – старинная, асфальтовая, в гравийных заплатках там, где мы заровняли ямы, – сужалась, и караван растянулся.

Стив и Кэтрин в обнимку шли за караваном. Я сидел на конце прицепа, волочил ногу по асфальту и смотрел на них. Кэтрин Мариани я знаю с рождения и почти с рождения боюсь. Ее семья живет по соседству с нашей, так что видимся мы постоянно. Она старшая из пяти девиц, и в детстве вечно нас воспитывала, вечно раздавала оплеухи за попытку стащить ломоть хлеба или пройти полем. К тому же она всегда была рослой – помню, свалит меня пинком тяжелого башмака и сердито смотрит сверху вниз. Я тогда считал ее редкой образиной. Лишь года два назад, когда мы сравнялись ростом, я понял, что она хорошенькая. Вздернутый носик плохо смотрится снизу (честно говоря, походит на свиной пяточок), да и крупные губы тоже, а сверху – вполне ничего. В прошлом году у них со Стивом началась любовь, так что остальные девчонки хихикали и гадали, скоро ли свадьба; в итоге мы сдружились, и Кэтрин больше не казалась мне огородным пугалом со скалкой. Сейчас мы поддразнивали друг друга, вспоминая старое время.

– Подкреплюсь-ка я хлебом с первого прицепа. Думаю, никто не против.

– Только тронь, я пну, как бывалоча.

Николен рассмеялся. В поездках он всегда веселел, потому что семья оставалась в поселке. Когда собаки начинали скулить, Стив толкал их, дразнил, подбадривал, а они весело скалились и облизывали его, готовые тянуть прицепы весь день только потому, что Стив так заразительно хохочет.

До толкучки – большого парка с редкими эвкалиптами – добрались около полудня. Солнце сияло, больше половины участников уже собралось. В кружевной тени пестрели навесы и флаги, стояли прицепы, остовы автомобилей и длинные столы, прохаживались нарядно разодетые люди, от костров поднимались струйки дыма. Собаки зашлись лаем.

Мы пробрались через толпу к отведенному нам месту. поприветствовали соседей – пастухов из каньона Талега. Я помог Рафаэлю натянуть тент над прицепами с рыбой. Старик восторженно взглянул на белый круглый навес, под которым устроились пастухи, показал нам со Стивом и сказал:

– В старину такие привязывали на спину, прыгали с самолета и пролетали под ними тысячи футов.

– Не рано начал отмечать, а, Том?

Собаки путались под ногами, пришлось отвести их подальше, привязать к деревьям. Когда мы вернулись, торг уже начался. Из прибрежных поселков на толкучке был только наш, поэтому покупатели валили валом. «Онофре здесь», – услышал я. «Глянь, какая мидия, – донеслось с другой стороны. – Прямо сейчас и съем». «Pescados! Pescados!»⁶ – нараспев кричал Рафаэль. Заявились даже мусорщики из Лагуны – живут у самого моря, а не могут поймать ни рыбешки. «Спрячьте ваши десятицентовики, мадам, – говорил Док. – Мне нужны ботинки, ботинки, и я знаю – у вас есть». «Берите десятицентовики и купите на них ботинки у кого-нибудь другого; у меня уже кончились. В Синей Книге сказано: за рыбину – десятицентовик». Док поворчал и согласился. Я разгрузил с прицепа дрова, на этом моя сегодняшняя работа кончилась. Иногда я торгую одеждой; сперва покупаю у мусорщиков драную, а когда отец подлатает, снова продаю. Но в этот раз отцу нечего было латать – в прошлом месяце у нас не хватило на старье. Так что я был свободен как ветер в поле, хотя и приглядывал какую-нибудь рванину – впрочем, видел ее только на людях. Я уселся на солнышке перед нашим лагерем и стал смотреть на гуляющих.

Ярмарочная жизнь кипела. Прошла женщина в длинном лиловом платье и с куриной клетью на голове, за ней двое парней в одинаковых полосатых красно-желтых штанах и синих рубашках, следом, в компании расфуфыренных приятелей, еще тетка в лопающихся по швам узких радужных брючках.

Мусорщиков можно отличить не только по одежде. Они всегда громко разговаривают – почти орут. Наверно, боятся тишины развалин. Том говорит, от жизни в разрушенных городах мусорщики сходят с ума – все до единого. Я глядел на прохожих и соглашался с Томом – у них были такие глаза, пустые и неприкаянные, словно они ищут и не могут найти какого-то захватывающего дела. Я особенно приглядывался к тем, что помоложе, гадая, не они ли гнались за нами в Сан-Клементе. Нам и прежде случалось драться, на толкучках или в долине Сан-Матео, когда камни летали, как бомбы, но я не знал, эти ли ребята подстерегли нас в Сан-Клементе. Двое как раз проходили мимо – в белых-пребелых костюмах и белых шляпах. Я улыбнулся. Мои синие джинсы, латанные-перелатанные под коленями, давно выцвели до белизны. Весь народ из новых поселков был одет примерно так же – в старье, которое держится на заплатках и честном слове, иногда в новое, сшитое из лоскутов или телячьей кожи. Если ты так одет, значит, ты здоров и в своем уме. Думаю, мусорщики одеждой хотят сказать, что они богаты и опасны.

Из нашего лагеря вышла Мелисса Шенкс. Она несла корзину с крабами. Я, не задумываясь, вскочил и окликнул:

– Мелисса!

Она обернулась, и я расплылся в дурацкой улыбке:

– Помочь донести, что выменяешь на свой товар?

Она подняла брови:

– А если бы я шла за пачкой иголок?

– Тогда, наверно, обошлась бы без помощников.

– Верно. Однако, на твое счастье, я иду за бочонком и буду рада помощи.

– Отлично.

Мелисса работает в пекарне – она подружка Кристин, сестренки Кэтрин. В других местах мы не встречаемся и почти не знакомы. Ее отец, Эддисон Шенкс, живет на Бейзилонском холме и с поселковыми почти не знает.

– Здорово, если тебе отдадут бочонок за столько крабов, – сказал я, заглянув в корзину.

– Знаю. Синяя Книга говорит, что это возможно, хотя придется поторговаться.

Она уверенно тряхнула длинными черными волосами, такими густыми и ухоженными, что в солнечном свете казалось – они украшены самоцветами. Хорошенькая: зубки острые,

⁶ Рыба! Рыба! (исп.)

носик тонкий, кожа белая, гладкая. У губ – целый запас осторожных, серьезных, капризных гримасок; тем приятнее редкая улыбка. Я так уставился на Мелиссу, что столкнулся с какой-то бабусей. Та выругалась по-испански.

– Извини, мамаша, я загляделся на девушку...

– Так держись за нее!

– Будет исполнено, мамаша. – Я подмигнул, ущипнул старушеницу (она с улыбкой хлопнула меня по руке), догнал Мелиссу (она тоже улыбалась) и взял под локоток. Мы весело двинулись вдоль главной аллеи искать бондаря. Решили идти в лагерь каньона Трабуко, где собирались фермеры – они обычно хорошие мастера по дереву.

Над лагерем Трабуко поднимался дымок, перламутровый в кружевной тени эвкалиптов. Запахло мясом – жарили разрубленного пополам бычка. Пиршество привлекло заметную толпу. Мы с Мелиссой обменяли краба на два ребрышка и остановились поесть и понаблюдать за паясничаньем трех разбитных мусорщиков, которые требовали шесть ребер за коробку английских булавок. Я уже собрался пройти на их счет, когда вспомнил, что Мелиссин отец, по слухам, водит компанию с мусорщиками. Эддисон ходит торговать по ночам, на север, и никто не знает, что он выручает у мусорщиков за товар, что за работу, а что просто ворует... Сам вроде мусорщика, только живет не в развалинах. Я молча жевал мясо, внезапно поняв, как мало знаю про девушку рядом со мной. Мелисса обглодала ребрышко дочиста, как собака, поглядывая на шипящее над костром мясо. Вздохнула.

– Хорошо, но бочек не видать. Придется заглянуть к мусорщикам.

Я согласился, хотя это означало, что придется торговаться насмерть. Мы прошли на северный край толкучки, где остановились мусорщики – наверно, чтобы сохранить путь к отступлению. И сам лагерь, и товар здесь были иными: почти никакой еды, только несколько женщин охраняли лотки с пряностями и консервированными деликатесами. Мы миновали дядьку в блестящем синем костюме – он расстелил на траве одеяло и торговал инструментами всевозможных форм и размеров. Часть инструментов были ржавые, часть – ярче серебра. Мы пытались угадать, что зачем нужно. Одна штуковина вызвала у нас смех: оранжевая трубка, а в ней проволока с двумя парами зеленых зажимов на концах.

– Чтоб удерживать мужа с женой, если они не ладят, – сказала Мелисса.

– Не выдержит, все равно разбегутся. Это, наверно, дверная пружина.

– Что? – хихикнула она.

Я попытался объяснить, но не тут-то было – стоило начать, Мелисса сгибалась пополам от хохота, не давая сказать ни слова. Мы пошли дальше мимо развалов яркой одежды и сверкающей обуви, мимо огромных ржавых механизмов, которые не работают без электричества, мимо продавцов оружия, окруженных вечной толпой зевак, которые надеялись поглазеть на большую сделку или на демонстрацию. Между нашим лагерем и лагерем мусорщиков торговали семенами, как всегда оживленно. Я хотел посмотреть, там ли Кэтрин, потому что торгуется она – заслушаешься, но не мог разглядеть в толпе. Вдруг Мелисса потянула меня за рукав.

– Вот, – сказала она.

За семенными рядами женщина в алом платье продавала стулья, столы и бочки.

– Иди торгуйся, – сказал я. – Пока начнешь, я схожу посмотрю, чего там делает Том.

Старик как раз только что попался мне на глаза.

– Ладно, попробую для начала тихо и невинно.

– Удачи.

Невинной она не выглядела, это точно. Я зашагал к Тому, который увлеченно беседовал с другим продавцом инструментов. Когда я подошел, он хлопнул меня по плечу и продолжил разговор:

– ... из промышленных отходов, гнилой древесины, собачьих трупов...

– Говно, – сказал продавец. («Из говна тоже», – вставил старик.) – Его делали из сахарной свеклы и тростника: так написано на пачках. Сахар не портится, и на вкус не хуже твоего меда.

– Сахарную свеклу и тростник выдумали производители, – презрительно сказал Том. – Ты их видел? Нет! Сахар делали из всякой дряни, поэтому от него болезни и уродства. Но мед! Мед предохраняет от простуды и легочных болезней, излечивает подагру и отрыжку, он в десять раз слаще сахара. Будешь есть мед, проживешь, сколько я. Это свежий и натуральный продукт, а не синтетическая гадость, шестьдесят лет пролежавшая в развалинах. На, попробуй, обмакни палец – это бесплатно.

Продавец запустил два пальца в горшок и слизнул мед:

– Вкусно...

– Еще бы! И за одну дерьмовую зажигалочку, каких у вас в Ориндже тысячи, я отдаю два, два-а-а горшка превосходного меда. Тем более... – Том хлопнул себя по лбу, словно припоминая. – Тем более что ты получишь и горшки.

– Значит, вместе с горшками.

– Да, я понимаю, что расщедрился, но мы в Онофре все такие – последние бы штаны отдали, кабы не срам, а я вообще из ума выжил...

– Ладно, заткнись и давай свои горшки.

– Прекрасно, молодой человек, получите. Обещаю: питаюсь этим волшебным эликсиром, вы доживете до моих лет.

– И дольше, если не возражаете, – рассмеялся мусорщик. – Но штука вкусная.

Он протянул старику зажигалку – пластмассовый прямоугольник с металлической крышкой.

– До встречи, – сказал старик, пряча зажигалку в карман и уводя меня прочь. Под следующим деревом он остановился. – Видал, Генри? Видал? Зажигалку за два маленьких горшочка меду! Вот это сделка! Ну, гляди же. Просто не верится. Гляди.

Он чиркнул зажигалкой перед моим носом, секунду подержал пламя и потушил.

– Очень мило, – сказал я, – но у тебя уже есть зажигалка.

Старик придвинул сморщенное лицо вплотную к моему:

– Покупай их всякий раз, как увидишь, Генри. Всякий. Это, без сомнения, одно из величайших достижений американской технологии. – Он сунул руку за спину, порылся в рюкзаке и протянул мне флажку янтарной жидкости. – Вот, хлебни.

– Уже в винном ряду побывал?

Старик улыбнулся щербатым ртом:

– Первым делом, первым делом. Хлебни глоток. Виски столетней выдержки. Отличная штука.

Я глотнул и закашлялся.

– Глотни еще, легче пойдет. Чувствуешь – согревает?

Мы по разу приложились к флажке, и я указал на Мелиссу – она, похоже, не очень-то продвинулась со своей сделкой.

– А-ах, – сказал Том, заметно пошатываясь. – Мужик бы ей все отдал.

Я согласился.

– Слушай, одолжи мне горшочек, а? Отработаю на пасеке.

– Ну, не знаю...

– Да ладно, чего тебе еще покупать?

– Много чего, – возразил Том.

– Ты ведь уже заполучил лучшее, что есть у мусорщиков, так?

– Хорошо, бери этот маленький. Хлебни еще разок на дорожку.

Когда я шел к Мелиссе, в животе у меня горело, а голова кружилась. Мелисса медленно, видимо, в четвертый раз, повторяла:

– ... только сегодня из садка. Мы всегда так делаем, это каждому известно. Все едят наших крабов, и никто еще не заболел. В прохладном месте они сохраняются неделю. Мясо вкуснейшее, вы сами подтвердите, если попробуете.

– Да пробовала я, – буркнула тетка. – И впрямь вкусно, да мяса-то всего ничего, не расчувствуешь. Бочка на дороге не валяется, а служит всю жизнь. Крабов же хватит на неделю.

– Если вы не распродадите бочки, вам придется катить их домой, – дружелюбно вмешался я. – Сперва в горку, потом под горку... Да вы благодарить нас должны, что избавляем вас от груза!.. Не больно ваша бочка нам и нужна. Вот – даю вдобавок к этим вкуснейшим крабам горшочек меда от Барнарда, и вы остаетесь в барыше...

Мелисса сперва вытаращилась на меня, что я лезу в ее сделку, но теперь заискивающе улыбалась тетке. Та смотрела на мед, но бочку отдавать не собиралась.

– В Синей Книге написано: бочонок стоит десять долларов, – сказал я, – а крабы – по два. Мы даем вам семь крабов, так что вы получаете четыре доллара лишку, не считая меда.

– Синяя Книга – говно, – сказала тетка.

– С каких это пор? Ее составили мусорщики.

– Да нет, ваши.

– Ладно, кто бы ни составил, все пользуются, а говном обзывают, только когда хотят надуть.

Тетка колебалась:

– А в Синей Книге правда говорится, что крабы стоят по два доллара?

– Правда, – сказал я, надеясь, что поблизости нет списка.

– Ладно, – сдалась тетка, – мне нравится их мясо.

На полпути к лагерю – я катил бочку – Мелисса позабыла про мою грубость.

– Генри, – пропела она, – как тебя отблагодарить?

– Не стоит, – сказал я и остановился пропустить пастухов, которые несли над головами огромный перевернутый стол. Мелисса обхватила меня руками и поцеловала в губы. Мы некоторое время смотрели друг на друга, прежде чем снова тронуться в путь: она раскраснелась, я чувствовал тепло ее тела. Когда мы пошли дальше, Мелисса облизнула губы.

– Ты выпил, Генри?

– Да... старый Барнард дал отхлебнуть.

– Правда? – Она оглянулась через плечо. – Я тоже не прочь пропустить глоток.

В лагере Мелисса пошла разыскивать Кристин, а я помог дораспродать рыбу. Николен раздобыл сигарету, и мы покурили, глядя, как пляшут пылинки в лучах послеполуденного солнца. Потом пендлтонский ковбой подрался с мусорщиком. Их разняли сердитые парни, назначенные следить за порядком. Эти ярмарочные шерифы – ребята серьезные, на затрешины не скупятся, и драчунам приходится туго. Потом я прилег рядом с дрыхнувшими псами и часа два покемарил.

Рафаэль принес собакам обеды и разбудил меня. На западе небо еще синело, высоко над головой облака лучились закатными отсветами. Я очухался от сна и пошел к кострам, где народ доедал ужин. Сел рядом с Кэтрин и угостился предложенной похлебкой.

– Где Стив?

– У мусорщиков. Сказал, следующие часа два будет в Мишен-Вьехо.

– Ага, – сказал я, уплетая похлебку. – А ты что не с ним?

– Да понимаешь, Хэнкер... Во-первых, надо было помочь с готовкой. Даже будь я свободна, нельзя же таскаться со Стивом ночь напролет. То есть можно, но какая радость? К тому же, по-моему, ему без меня лучше.

– Зря ты так.

Она пожала плечами:

– Потом пойду поищу.

– Как успехи с семенами?

– Неплохо. Хуже, чем весной, но мешочек ячменя раздобыла. С боем взяла – сейчас все интересуются ячменем, уж больно хорошие в Талеге урожаи. Ничего, выторговала. На следующей неделе засею верхнее поле, посмотрим, как взойдет. Надеюсь, не опоздаем.

– Будет твоим работа.

– Как всегда.

– Верно. – Я прикончил похлебку. – Пойду искать Стива.

– Это несложно. – Она рассмеялась. – Иди на самый громкий крик. До скорого.

В южной части парка, где стояли поселковые, было темно и тихо, только орали трабу-канские павлины, недовольные, что их заперли в клетки. Между деревьями плясали костерки, плыли голоса, темные фигуры говоривших заслоняли огонь.

В северной половине парка все было иначе. На трех полянах пылали огромные костры, нагретый воздух колыхал растянутые между деревьями навесы. На ветках качались тусклые белые фонари. Я вышел на аллею. Здоровенная тетка в оранжевом платье налетела на меня сзади. «Извини, парнишка». Я зашагал к лагерю Мишен-Вьехо. Мимо пролетела бутылка, обрызгала меня и ударилась о ствол. Огонь освещал неестественно яркие одеяния. Мусорщики, от мала до велика, нацепили все свои украшения: золотые и серебряные ожерелья, серьги, кольца в нос, на лодыжки, на живот, браслеты с красными, зелеными, голубыми драгоценными камнями. Это было очень красиво.

Столы стояли длинными рядами, на скамьях впритирку сидели люди, пили, говорили, слушали игравший на краю лагеря джаз-банд. Я стоял и смотрел, но никого знакомого не видел. Потом откуда ни возьмись появился Николен, хлопнул меня по руке и сказал с ухмылкой:

– Пошли дразнить Тома, он с Доком и остальным старичьем.

Том расположился в конце стола вместе с немногими оставшимися в живых свидетелями давней поры: Доком Костой, Леонардом Саровицем из Хемета, Джорджем из Кристианитоса. Эта четверка порядком примелькалась на толкучках, к ним частенько присоединялись Чудила Роджер и другие старики, помнившие прежние времена. Том из них самый старый. Он увидел нас и подвинулся, освобождая место. Мы по разу приложились к Леопардовой бутылки; я поперхнулся и пролил половину за пазуху. Стариканы разразились хохотом. У Леонарда был беззубый, как у младенца, рот.

– А Ферги здесь? – спросил Док Коста у Джорджа, возобновляя прерванный разговор.

Джордж мотнул головой:

– Помер.

– Жалко.

– Знаете, какой он прыткий? – спросил Том, хлопая меня по плечу.

Леонард хмуро помотал головой.

– Раз делаю подачу, он отбивает – аккурат мне мимо уха – и бежит ко второй базе, – продолжал Том. – Я оборачиваюсь и – вообразите! – мяч ударяет ему по заднице!

Остальные рассмеялись, только Леонард снова затряс головой:

– Не отвлекай! Ты нарочно отвлекаешь.

– От чего?

– Суть такова – я только что говорил, ребята, и вам невредно послушать – суть такова: если бы Элиот сражался, как настоящий американец, мы бы не сидели в таком дерьме.

– Не вижу никакого дерьма, – сказал Том. – Мне очень даже неплохо.

– Кончай паясничать, – угрюмо вставил Коста.

– Опять за старое. – Стив закатил глаза и потянулся за бутылку.

– Даю руку на отсечение, сейчас мы снова были бы первой державой мира, – упорствовал Леонард.

– Погоди, – перебил Том. – Американцев теперь не хватит и на плохонькую державу, не то что на первую. А что хорошего, если бы мы и всех остальных разбомбили к чертовой бабушке?

Док так разозлился, что ответил за Леонарда:

– Чего хорошего? Никакие китайцы не курсировали бы вдоль берега, не шпионили бы за нами, не бомбили бы нас всякий раз, как мы пытаемся отстроиться. Вот чего хорошего. Элиот по трусости погубил Америку. Безвозвратно. Мы на самом дне, Том Барнард, сидим, как медведи в яме.

– Ррррр, – зарычал Стив и снова приложился к бутылки.

Я взял ее у него и тоже сделал глоток.

– Нам была хана, как только взорвались бомбы, – говорил Том, – что бы ни случилось с остальным миром. Нажми Элиот кнопку, мы просто убили бы больше народу и разрушили еще несколько стран. Нам от этого ни жарко ни холодно. К тому же бомбили не русские и не китайцы...

– Опять врешь, – сказал Коста.

– А то ты не знал. Это чертовы юаровцы.

– Французы! – завопил Джордж. – Французы!

– Вьетнамцы, – сказал Леонард.

– Нет, не вьетнамцы, – ответил Том. – Когда мы разделались с этими несчастными, у них не осталось даже хлопушки. И решение не наносить ответного удара наверняка принял не Элиот. Он небось погиб вместе со всеми. Решал какой-то генерал в самолете, можешь поспорить на свою деревянную вставную челюсть. Вот ведь удивил – и весь мир, и себя самого. Особенно себя самого. Интересно, кто это был?

– Трус и предатель, – сказал Коста.

– Достойный человек, – сказал Том. – А если бы мы нанесли ответный удар по Китаю и России, были бы преступниками и убийцами. К тому же Россия в ответ послала бы свои ракеты, и в Северной Америке сейчас не осталось бы паршивого муравьишки.

– Муравьи бы выжили, – сказал Джордж.

Мы со Стивом упали мордами на стол и ржали, тыча друг друга в бок – «нажимали кнопку», как выражается старичье. Странно – нажал кнопку и началась война... Том взглянул укоризненно, мы выпрямились и сделали по глотку, чтобы унять смех.

– ... пережили больше пяти тысяч ядерных взрывов, – говорил Коста. (С каждой новой встречей число увеличивалось.) – Пережили бы и еще несколько. Я вот о чем: враги тоже заслужили пяток бомбочек. – Он разошелся не на шутку; хотя старички спорят всякий раз, как сойдутся вместе, Коста по-прежнему злится на Тома. – Нажми Элиот кнопку, мы были бы в одной лодке, имели бы шанс выкарабкаться. Эти гады не дают нам отстроиться, восстановить хозяйство!

– А это чем не хозяйство, Эрнест? – Том, пытаясь вернуть разговор в шутливое русло, обвел рукой ярмарочную поляну.

– Кончай дурака валять, – сказал Коста. – Я имею в виду, восстановить все, как было.

– Ага, чтобы нас снова разбомбили, – сказал Том.

Однако Леонард слушал только Дока:

– Мы бы восстанавливались наперегонки с коммунистами. И ты знаешь, кто бы кого опередил. Мы – их!

– Ага, – сказал Джордж, – или французов...

Барнард тряхнул головой и отобрал у Стива бутылку.

– Тебе как врачу не следовало бы желать другим такого, Эрнест.

– Мне как врачу виднее, что они с нами сделали, – огрызнулся Док. – Загнали в яму, как медведей.

– Пошли отсюда, – сказал Стив. – Сейчас начнут выяснять, кто нас завоевал – русские или китайцы.

– Или французы. – Я соскользнул со скамьи и глотнул на прощанье из стариковой бутылки.

Том отвесил мне тумака и крикнул:

– Идите отсюда, неблагодарные юнцы. Не желаете слушать историю.

– В книжках прочитаем, – сказал Стив. – Они не напиваются.

– Чего мелет! – воскликнул Том под смех дружков. – Научил его читать, а он говорит, что я пьян.

– От твоей учебы у них мозги набекрень, – сказал Леонард. – Ты, часом, книжки не вверх ногами держишь?

Мы ушли, провожаемые подобными замечаниями, и враскачку направились к рыжему дереву. Это был огромный старый дуб, один из полудюжины в парке, на его ветвях висели обернутые рыжей прозрачной пластмассой газовые фонари – знак мусорщиков из центрального округа Ориндж. Здесь ближе к середине ночи собиралась наша компания. Никого из Онофре мы не нашли, поэтому уселись в обнимку на траве и принялись отпускать похабные шуточки на счет прохожих. Стив жестом подозвал продавца спиртного и купил за два десятицентовика бутылку текилы. «Вернешь назад без трещины, иначе жди затрещины», – пропел, уходя, продавец. По другую сторону оранжевого дерева жужжал и потрескивал педальный генератор – компания мусорщиков подключила к нему маленькую микроволновую духовку и пекла шматы мяса с целыми картофелинами. «Разогрей и ешь! – орали они. – Вот так чудо-печь! Разогрей и ешь!» Я глотнул текилы – крепкое зелье, но во хмелю хотелось пьянеть еще больше – и объявил Стиву:

– Я хорош. *Borracho. Aplataaaa-do*⁷.

– Оно и видно, – сказал Стив. – Глянь, сколько серебра. – Он указал на мусорщицу в тяжелом ожерелье. – Глянь! – Приложился к бутылке. – Хэнкер, эти люди богаты. Могут делать что угодно. Идти куда захотят. Быть кем вздумается. Мы должны раздобыть серебра. Как угодно. Жить – это не просто день за днем ковыряться на одном клочке земли ради пропитания, Генри. Так живут звери. Но мы – люди, Хэнкер, люди, не забывай, и Онофре для нас мал, мы не можем прожить всю жизнь в одной долине, как коровы, жуя жвачку. Жуя жвачку и дожидаясь, пока нас запихнут в чудо-печь и спекут... Хм... Дай-ка мне еще глотнуть, Хэнкер, друг сердечный, меня внезапно охватил приступ неутолимой жажды.

– В самом себе живет бессмертный дух, – мрачно заметил я, передавая ему бутылку. Обоим уже не стоило пить, но, когда подошли Габби, Ребл, Кэтрин и Кристин, мы помогли им прикончить еще бутылек. Стив позабыл про серебро и стал целоваться с Кэтрин – за ее рыжими волосами не было видно, как они это делают. Оркестр – труба, кларнет, два саксофона и басовая скрипка – заиграл снова, и мы затагнули под музыку: «Вальсируя с Матильдой», «О, Сюзанна» или «Стоило мне ее увидеть»⁸. Мелисса подошла и села рядом. Я обнял ее и понял – она пила и курила. Из-за Мелиссиного плеча мне подмигнула Кэтрин. Оркестр наяривал, вокруг оранжевого дерева собиралось все больше народу, и скоро мы уже ничего не видели, кроме ног. Сперва мы в шутку угадывали горожан по одним ногам, а потом потанцевали вокруг дерева вместе со всеми.

Много позже мы двинулись к лагерю. Это было здорово. Мы пробились через поющую толпу, вернули бутылки продавцу и вышли на аллею, пошатываясь, держась за руки и фальшиво горлая «Большие надежды»⁹ под стихающие звуки оркестра.

⁷ Пьян. В стельку (*исп.*).

⁸ *Waltzing Matilda* – австралийская песня, написанная в 1895 году, слова Банджо Патерсена, музыка Кристины Макферсон; *Oh Susannah* – одна из самых популярных американских песен, написана Стивеном Фостером, впервые напечатана в 1848 году; *I've Just Seen a Face* – песня «Битлз» из альбома *Help!* 1965 года.

⁹ *High Hopes* – либо песня Фрэнка Синатры (1956 г.), либо песня группы S. O. S. Band (1982 г.).

На полпути из-за деревьев выскочила компания. Меня грубо бросили на землю. Я с ругательствами вскочил. Слышались крики и вой, кто-то падал, катался по земле и злобно орал: «Какого...» Две компании разделились и встали стенка на стенку. В свете фонаря я узнал ребят из Сан-Клементе. На всех были одинаковые, красные в белую полоску, рубахи.

– Ох, – сказал Николен тоном усталого презрения. – Это они.

Один из вожakov выступил на свет и нехорошо улыбнулся. Мочки ушей у него были в ключьях от выдранных в драке серег, тем не менее в левой и сейчас красовались две золотые, а в правой – две серебряные сережки.

– Привет, Красава, – сказал Николен.

– Деткам нельзя ходить в Сан-Клементе ночью, – заметил мусорщик.

– Какой такой Клементе? – невинно осведомился Николен. – К северу от нас ничего нет, только развалины, развалины, развалины...

– Детки могут заботиться. Они могут слышать вой, – продолжал Красава. Ребята за его спиной затаили: «ухмммммммм-ииниииниихххххх», то выше, то ниже, как сирена, которую мы слышали той ночью. Вожак сказал: – Вашим нечего делать у нас в городе. Другой раз так легко не уйдете...

Николен осклабился:

– Давно мертвечинкой лакомился?

На него набросились; мы с Габби поторопились встать рядом, чтобы Стива не окружили.

Впрочем, он ловко молотил мусорщиков башмаком под коленки и самозабвенно выкрикивал: «Коршуны! Шакалы! Крысы помоечные! Старьевщики!» Я держался начеку – мусорщиков было больше, и у каждого на пальцах перстни...

Шерифы накинулись на нас с криком: «Это что? Прекратите! Эй!» Я снова очутился в грязи вместе с большинством дерущихся. Встать оказалось непросто.

– Гребите отсюда, парни, – сказал один из шерифов, здоровенный, на голову выше Стива, которого держал за ворот. – Еще раз придется вас разнимать – запретим появляться на толкучках. А теперь валите, пока еще не схлопотали.

Мы догнали девушек – Кристин и Ребл дрались наравне с нами, но остальные предпочли держаться в сторонке – и зашагали по аллее. За спиной ребята из Сан-Клементе снова завывали сиреной: «ухммммммииии-ухммммммииии-ухммммммииии...»

– Черт! – сказал Николен, обнимая Кэтрин за талию. – Как бы мы им врезали...

Кэтрин, не в силах больше хмуриться, рассмеялась:

– Их двое на одного!

– А что, Кэт, может, это нам как раз по вкусу?

Все согласились, что мы поколотили бы мусорщиков, и в отличном настроении двинулись к костру. Мелисса догнала меня и взяла под руку. Возле лагеря она сбавила шаг. Я понял, к чему она клонит, свернул в рощицу и встал, прислонясь к лавровому дереву.

– Ты здорово дерешься, – сказала Мелисса.

Мы целовались долго-долго, потом она вся обмякла и повисла на мне. Я сполз по стволу, царапая корой спину.

На земле я оказался наполовину сверху, наполовину сбоку от нее, ноги наши переплелись – ужасно неудобно, но в висках у меня застучало. Мы целовались без передышки, ее частое прерывистое дыхание щекотало мне лицо. Я попытался было залезть ей рукой в трусы, но не дотянулся, поэтому задрал блузку и ухватился за грудь. Мелисса куснула меня в шею. По телу пробежала дрожь. Кто-то шел по аллее с фонарем, и на секунду я увидел Мелиссино плечо: светлая кожа, перекрученная грязная лямка белого лифчика, грудь колыхается под моей рукой... Мы целовались, а эта картинка так и стояла перед моими закрытыми глазами.

Она отодвинулась:

– Ох, Генри. Я сказала папе, что скоро вернусь. Он будет меня искать.

Я поцеловал ее в надутые губки, едва различимые в темноте.

– Ладно. В другой раз.

Я был так пьян, что не почувствовал разочарования – еще пять минут назад я ничего такого не ждал, и вернуться к прежнему состоянию оказалось легко. Все было легко. Помог Мелиссе подняться, снял со спины кусок коры. Рассмеялся.

Проводив Мелиссу к отцовскому навесу и поцеловав разок на прощание, я пошел в рощу отлить. За деревьями по-прежнему светился кострами лагерь мусорщиков, оттуда неслись звуки «Америки прекрасной»¹⁰. Я стал подпевать вполголоса. Старая мелодия переполняла мое сердце.

На аллее перед нашим лагерем я увидел старика с двумя незнакомцами в темных куртках. Том спрашивал, но слов было не разобрать. Гадая, кто бы это мог быть, я побрел к своему лежбищу и рухнул на землю. Голова кружилась, черные ветви качались над головой, и каждая еловая иголочка виделась четко, словно нарисованная. Я думал, что вырублюсь сразу, но, едва лег, услышал шуршание: кто-то размеренно придавливал кучу листвы. Звук доносился с того места, где должен был спать Стив. Я прислушался и вскоре различил дыхание, тихое, частое «ах-ах-ах» и узнал голос Кэтрин. У меня тут же снова встал; я понял, что скоро не усну. Еще через минуту мне сделалось не по себе; я поднялся на ноги, сердито бормоча под нос, и пошел на окраину лагеря, где дышала жаром огромная куча головешек. Я сидел, смотрел, как от ветерка они из серых становятся алыми, и был возбужден, обижен, счастлив и пьян.

Внезапно в лагерь ворвался старик, с виду еще более пьяный, чем я. Серые волосы дымком вились вокруг головы. Он увидел меня и опустился на корточки рядом с костром.

– Хэнк, – сказал Том непривычно взволнованным голосом, – я только что говорил с двумя приезжими. Они меня искали.

– Я видел. Откуда они?

Том взглянул на меня, и в налитых кровью белках отразился костер.

– Из Сан-Диего, Хэнк. Они приехали сюда – вернее, они остановились чуть южнее Онофре. Они говорили с Рекавери Симпсоном и следовали за нами до толкучки – нарочно, чтобы поговорить со мной, правда здорово, слухом земля полнится, кто в поселке старший... Так вот...

– Эти двое...

– Да! Они говорят, что приехали из Сан-Диего в Онофре *на поезде*.

Мы сидели, уставившись друг на друга. Язычки пламени плясали над головешками и в шальных глазах старика. «Приехали на поезде».

¹⁰ America the Beautiful – одна из самых популярных в США патриотических песен. Музыка была написана для церковного хора в 80-х годах XIX века композитором-любителем Сэмюэлом Уордом, в начале XX века на нее положили патриотические стихи Кэтрин Ли Бейтс.

4

Через несколько дней после возвращения с толкучки мы с отцом проснулись под шум ливня. Позавтракали целой буханкой, развели большой огонь и сели чинить одежду, но дождь все сильнее молотил по крыше, а когда мы выглянули в дверь, то в сплошной серости едва смогли разглядеть огромные эвкалипты. Казалось, океан подпрыгнул до неба и рушится сверху, чтобы смыть нас и в первую очередь наши посевы. Молодые всходы, почву, колышки – все унесет вода.

– Похоже, будем класть пленку, – сказал отец.

– Точно.

При свете очага мы принялись ходить по темной комнате, нашли пончо и шляпы, еще немного походили, взволнованно переговариваясь. Сквозь шум ливня слабо донесся зов Рафаэлевой трубы: высокий-низкий-высокий-низкий-высокий-низкий.

Мы оделись, выскочили на улицу и через минуту промокли до нитки. «Ух!» – крикнул отец и побежал к мосту, расплескивая лужи. На мосту ежились под пончо и зонтами несколько человек – ждали, когда принесут пленку. Мы побежали к бане. Дорога превратилась в ручей, река пенилась и бурлила. Мы посторонились, пропуская троих или четверых соседей, с трудом шагавших под тяжестью огромного рулона пленки. В бане Мендесы, Мандо и Док Коста, Стив и Кэтрин, не глядя, укладывали пленку на плечи входившим. Я подлез под конец рулона и засеменял вместе с ним, подгоняемый резкими выкриками Кэтрин. У нее не посачкуешь, это точно. На улице хлестало как из ведра.

Я помог отнести через мост на поле три рулона, теперь пришло время расстилать. Мы с Мандо ухватились за край неплотно смотанного полиэтилена, когда-то прозрачного, а сейчас мутного от грязи, и наклонились, чтобы обхватить его руками. Дождь заливал в штаны; пончо хлестало по спине. Габби и Кристин взяли за другой конец, и вчетвером мы поволокли пленку к рядам капусты в нижней части склона. Дальше работа шла так: мы, сопя от натуги и покрикивая друг на друга, поднимали рулон, разматывали один оборот и снова опускали, по щиколотку в воде, которая уже залила борозды между грядками. Склон высился перед нами, корявый и черный. В ямах собрались вспененные дождем лужицы серой воды. Рулона еле-еле хватило на всю капусту. Идя назад вдоль пленки, я заметил, что многие всходы примяты. Плохая защита, но другой у нас нет. Ниже маленькие склоненные фигуры раскатывали другие рулоны: Хэмиши, Эглоффы, Мануэль Рейс и прочие работники Кэтрин, с ними Стив и Рафаэль. Дальше бушевала река, бурый поток, из которого торчали затопленные деревья и макушки кустов. На секунду проглянуло солнце, все преобразилось, засияло под косой завесой дождя, но тут же снова померкло.

В нижней части поля старик помогал разложить оставшиеся рулоны. К спине у него были привязаны две жерди, на которых он пристроил пластиковый купол – зонтик. Я рассмеялся, невольно глотая дождь:

– Надел бы шляпу, как все нормальные люди.

– В том-то и дело, – сказал Мандо, согревая замерзшие руки под мышками. – Он не хочет, как все.

– Он и без этой хреновины над головой не как все.

Габби и Кристин догнали нас у подножия склона. Габби, похоже, свалился в грязь, он был весь чумазый, и его робкая улыбка казалась по контрасту особенно белозубой. Мы подхватили следующий рулон и потащили в гору. Ветер качал деревья на холме, ветки клонились и шумели, так что вершина походила на огромного зверя, захваченного бурей. Вода бежала по уже расстеленной пленке. На обратном пути мы с Габом остановились расправить складки и как следует убраться в борозды.

Дренажная канава у подножия переполнилась, но вода так и так стекала в реку.

Подошел Том. Его лицо под зонтом было таким же мокрым, как у всех остальных.

– Привет, Габриэль, Генри, Армандо, Кристин. Приятная встреча. Кэтрин сказала, ей надо помочь с кукурузой.

Мы четверо, дрожа и хлопая себя руками для согрева, побежали на берег реки, где росла кукуруза. Кэтрин, такая же чумазая, как Габби, носилась повсюду, сгоняла работников в кучу, помогала тащить вверх непослушные рулоны, указывала на складки в уже расстеленной пленке. Она крикнула, что делать, и мы побежали, подгоняемые ее пронзительным голосом.

Кукуруза вымахала уже в две ладони, и класть пленку прямо на нее было нельзя – сломались бы побеги. Поэтому через каждые несколько ярдов были расставлены цементные блоки, и пленку привязывали к ним за кольца. Приходилось двигать блоки, чтобы они соответствовали кольцам. Стив и Джон Николен работали на пару, двигали блоки и затягивали узлы. Все были перемазаны по уши. Кэтрин отправила нас на верхний край поля. Здесь мы нашли двух ее младших сестренек, Дока и Кармен Эглофф, которые возились с узким рулоном.

– Давай разматывай, пап! – крикнул Мандо на ходу.

– Берись, – устало отвечал Док.

Мы присоединились к работающим и, покуда они разматывали, стали привязывать пленку к блокам. Кэтрин расставила их неделю назад, и я удивлялся, как близок каждый блок к своему кольцу. Однако все равно каждый приходилось немного двигать, стоя на коленях в грязной жиже. Наконец мы закрепили этот рулон и побежали за следующим.

Прошло немало времени, прежде чем мы снова полезли на горку. Ветер рвал пленку из окоченевших пальцев, все большее было ее держать. Узлы не завязывались, и я отчаивался, глядя, как непослушные пальцы делают ошибку за ошибкой. Ноги, разумеется, давно онемели. Небо затянули черные тучи, стемнело. Растянутая пленка слабо поблескивала. Стоя на коленях в грязи и дрожа от холода, я поднял глаза от узла и увидел, что поле чернеет фигурами: сгорбленными, скрюченными спиной к ветру. Я остервенело затянул узел.

К тому времени как расстелили третий рулон – работники мы были не ахти какие, – большая часть кукурузы была укрыта. Мы пошли к речке искать Кэтрин. Мимо нас под мостом проплыла сосна: жалко было смотреть на ее зеленые еще иголки, белые, вырванные из земли корни.

Почти все работники – человек двадцать – собрались у переполненной дренажной канавы и смотрели, как Мендесы с Николенами бегают вдоль пленок, подлезают под них, натягивают, оправляют, чтобы вода стекала как следует. Часть народа ушла к бане, остальные стояли под зонтиками и делились впечатлениями от работы. Поля теперь блестели полиэтиленовыми грядами, дождь разбивался о пленку, скрывая ее под слоем брызг. Вода хлестала с пленки в дренажную канаву, однако она не уносила с собой ни земли, ни наших летних всходов. Смотреть на это было приятно.

Когда всю пленку расправили, мы гуртом двинулись к бане. Внутри усердствовал Рафаэль: воздух уже прогрелся, от чанов поднимался пар. Входящие нахваливали Рафаэля за, как выразился Стив, «отличный домашний костер». Снимая мокрую одежду, я в сотый раз восхищался сложной системой труб, насосов и баков, которую Рафаэль смастерил для нагрева воды. Я залез в грязный чан, где уже было полно народу. Грязный чан – самый горячий, и в комнате слышались довольные стоны распаренных купальщиков. Я не чувствовал своих ног, остальное тело обдало, словно кипятком. Потом жар проник в ступни, и мне показалось, что они превратились в отцовы подушечки для булавок. Я радостно завопил. Металлическое дно чана было раскалено, и мы плавали, сталкивались, плескались и обсуждали бурю.

В чистом чане стояли деревянные скамьи, и вскоре народ перебрался туда, поговорить и понежиться в тепле. Ливень дребезжал рифленой металлической крышей, звук усиливался вместе с дождем. Когда он стал совсем громким, мы перестали говорить и прислушались. Неко-

торые выбежали расстилать пленку, не накрыв собственные огороды, и теперь должны были напяливать мокрую одежду (кроме тех, кто держал в бане сменку) и бежать на улицу. Все они обещали скоро вернуться, и мы охотно верили.

В отблесках пламени тени труб плясали на потолке, дощатые стены поблескивали красным. Красными казались и люди. Женщины были бесподобны: Кармен Эглофф подкидывала сучья в очаг, ребра у нее на спине выпирали; девчата ныряли возле скамьи, как нерпочки; Кэтрин остановилась поговорить со мной, пышная, округлая, с капельками воды на коже; миссис Николен с визгом увертывалась от мужа, который в редком приступе благодушия плескал на нее водой. Я сидел, как обычно, в углу, слушал Кэтрин и с удовольствием смотрел по сторонам: мы были огненнокожими зверями, мокрыми, распаренными, вострепанными, прекрасными, словно кони.

Мы уже выбирались из чана, и Кармен раздавала полотенца, когда с улицы донеслось:

– Эй, в доме! Эй!

Разговор смолк. В наступившем молчании (только дребезжала кровля) мы услышали отчетливей:

– Эй, в доме! Здравствуйте! Мы путешественники с юга! Американцы!

Женщины и большинство мужчин машинально ухватились за полотенца или одежду. Я натянул мокрые штаны и вслед за Стивом подошел к двери. Том и Нат Эглофф были уже там; Рафаэль присоединился к нам, голый, но с пистолетом в руке. Джон Николен, все еще застегивая шорты, раздвинул нас плечами и выскочил за дверь.

– Чего надо? – услышали мы его вопрос.

Ответ потонул в шуме дождя. Через секунду Рафаэль снова открыл дверь. Двое в пончо вошли впереди Джона и с изумлением уставились на Рафаэля. Оба были насквозь мокрые, усталые и оборванные – один тощий, с длинным носом и шкиперской бородкой, другой – кряжистый коротышка в мокрой кепке. Они сняли пончо и остались в темных куртках и мокрых штанах. Тот, что пониже, узнал Тома и сказал:

– Здравствуй, Барнард. Помнишь, встречались на толкучке?

Том сказал, что помнит. Гости обменялись рукопожатием с ним, с Рафаэлем (забавное зрелище), с Джоном, Натом, Стивом и со мной, потом украдкой огляделись по сторонам. Все женщины были одеты или закутаны в полотенца, огонь наполнял комнату красными отблесками, от чанов валил пар, несколько голых мужчин выделялись среди одетых блестящей, словно рыба чешуя, кожей. Коротышка вроде бы как поклонился.

– Спасибо, что впустили. Мы из Сан-Диего, мистер Барнард вам расскажет.

Мы уставились на него.

– Вы приехали поездом? – спросил Том.

Гости кивнули. Тощий трясся от холода.

– Мы оставили дрезину и ребят милях в пяти отсюда, – сказал он, – и пришли пешком. Не хотели тянуть рельсы дальше, пока не переговорим с вами.

– Думали добраться раньше, но помешала буря, – добавил низенький.

– А зачем вообще ездить в дождь? – спросил Николен.

Низенький, помявшись, ответил:

– Мы предпочитаем передвигаться, когда облачно. Чтобы не было видно сверху.

Джон запрокинул голову и сощурился, не понимая.

– Если хотите залезть в чан, – предложил Том, – то не стесняйтесь.

Высокий покачал головой:

– Спасибо, но...

Они переглянулись.

– На вид тепло, – заметил коротышка.

– Верно, – сказал другой и несколько раз кивнул. Он все еще дрожал. Потом робко огляделся и сказал Тому: – Если позволите, мы бы просто погрелись у вашего огонька. Здорово вымокли и не прочь обсушиться.

– Конечно-конечно. Располагайтесь как дома.

Джон явно не пришел в восторг от этих слов Тома, но гостей к огню проводил, а Кармен подбросила дров. Стив толкнул меня в бок:

– Слыхал? Поезд до Сан-Диего! А что, если прокатиться?

– Может, и удастся, – ответил я.

Гости представились: маленького звали Дженнингс, высокого – Ли. Дженнингс снял кепку и оказался взъерошенным блондином, потом скинул куртку, рубашку, ботинки и носки, повесил все сушиться, а сам стал греть руки над огнем.

– Мы уже несколько недель тянем ветку на север от Ошенсайда, – сказал он.

Ли тоже принялся раздеваться.

Дженнингс продолжил:

– Мэр Сан-Диего формирует разные бригады, и наша занята прокладкой путей к соседним городам.

– На толкучке говорили, что в Сан-Диего больше двух тысяч человек, – сказал Том. – Это правда?

– Около того, – кивнул Дженнингс. – А с тех пор как мэр взялся за дело, мы многого добились. Поселки далеко один от другого, но мы наладили железнодорожное сообщение. Дрезины, конечно, хотя в городе есть и генераторы, и электричество. Ярмарки раз в неделю, рыболовецкая флотилия, ополчение – все, чего раньше не было. Ясное дело, мы с Ли больше всего гордимся своими успехами. Мы расчистили восьмую автомагистраль через горы до Солтон-Си, проложили по ней рельсы...

Что-то в манере стоящего у огня Ли заставило Дженнингса смолкнуть.

– Солтон-Си, наверно, разлилось, – сказал Том.

Дженнингс молчал, и Ли кивнул:

– Теперь вода там пресная и кишит рыбой. Местные живут неплохо, хотя их совсем мало.

– Что вам здесь нужно? – резко спросил Джон Николен.

Пока Ли в упор смотрел на Джона, Дженнингс оглядел собравшихся. Все глаза были устремлены на него, все уши наострены. Похоже, ему это нравилось.

– Мы дотянули рельсы до Ошенсайда, – объяснил он, – и разрушенные пути идут дальше на север, поэтому мы решили их починить.

– Зачем? – настаивал Джон.

Дженнингс тоже выставил вперед подбородок.

– Зачем? Полагаю, надо спросить мэра – идея его. Видите ли... – Он взглянул на своего спутника, словно испрашивая разрешения продолжать. – Вы знаете, что японцы наблюдают за побережьем?

– Конечно, – сказал Джон.

– Трудно не заметить, – добавил Рафаэль. Он отложил пистолет и сидел на краю чана.

– Я не про корабли, – сказал Дженнингс. – Я про наблюдение с неба. Со спутников.

– Вы имеете в виду камеры? – спросил Том.

– Да. Вы видели спутники?

Мы видели. Том показывал нам их – светлые точки, словно сорвавшиеся с неба звезды. И про камеры он тоже говорил. Хотя...

– Спутниковые камеры могут различить предмет размером с крысу, – сказал Дженнингс. – Они видят все.

– Можете поднять голову, сказать «катитесь к черту», и они прочтут по губам, – добавил Ли с невеселым смешком.

– Верно, – сказал Дженнингс. – А по ночам они включают камеры, которые чувствуют тепло и могут различить даже эту вашу крышу, если разведете огонь в безоблачный день.

Народ недоверчиво качал головами, однако Том с Рафаэлем, похоже, верили, и остальные, глядя на них, начали сердито перешептываться. «Я тебе говорил», – сказал Тому Док. Нат, Габби и еще пара-тройка других в отчаянии уставились на потолок. Только подумать, что за нами так пристально наблюдают... И впрямь жуть берет.

Говорят, захожего человека всегда интересно послушать, но эти двое были особенные. Я думал: интересно, знал ли Том все это и просто нам не говорил, или тоже слышит впервые. По его лицу похоже было, что да, знал. Мне тогда казалось, что это наблюдение сверху не особо влияет на нашу жизнь, но все равно было мерзко, словно к тебе залезли в дом. И в то же время – колдовство да и только. Джон недоверчиво взглянул на Тома и, получив утвердительный кивок, сказал:

– Откуда вы знаете? И как это связано с вашим приходом?

– До нас доходят кой-какие вести с Каталины, – туманно сказал Дженнингс. – Но это не все. Похоже, япошки следят, чтобы между поселками не было сообщения. Чтобы мы не объединились. Когда тянули рельсы по восьмой магистрали, – он состроил возмущенную гримасу, – то построили несколько больших и прочных мостов. И вот в один прекрасный вечер, на закате, их взорвали.

– Что?! – вскричал Том. (При слове «взорвали» он подпрыгнул.)

– Ничего особенного, – сказал Дженнингс.

Ли фыркнул:

– Это и не взрыв даже. Просто на закате красная полоска с неба. Чик – и готово.

– Сжигают? – спросил Том.

Ли кивнул:

– Огромный жар. Рельсы плавятся, шпалы превращаются в пепел. Иногда загорается что-нибудь по соседству, но редко.

– Мы не разбираем лагерь вблизи мостов, – усмехнулся Дженнингс. – Как легко можно догадаться.

Никто не засмеялся.

– Мэр, когда узнал, пришел в ярость. Он твердо решил проложить пути, несмотря на бомбежку. Он сказал, что общаться с другими американцами – наше законное право. Раз япошки пока творят, что хотят, и бомбят нас, как увидят, значит, наше дело – оставаться невидимыми. Так он сказал.

– Мы нашли-таки выход, – с внезапным воодушевлением произнес Ли. – Опоры большинства старых мостов сохранились, и мы просто кладем на них шпалы, а рельсы укладываем сверху. Дрезины легкие, им особой опоры не надо. Мы переправляемся, снимаем рельсы и шпалы, прячем в лесу, и от переправы не остается следа. Теперь так натренировались – небольшую речку пересекаем за пару часов.

– Конечно, бывают проколы, – добавил Дженнингс. – Раз возле Джулиана красные полосы сожгли опоры моста до самой воды.

– Может быть, они поняли, что мы зашевелились, и теперь начеку, – сказал Ли. – Кто их разберет. Они непоследовательны. Мэр говорит: может, они не сговорятся между собой, как с нами быть. Или ведут выборочное наблюдение. Поэтому мы никогда наперед не знаем, как они поступят. Но возле мостов не останавливаемся.

Все наши в почтительном молчании глазели на людей, которые, пусть не прямо, но борются против японцев. Дженнингсу внимание явно льстило, Ли как будто не замечал. Потом Джон повторил свой вопрос:

– Ладно, коли вы сюда добрались, чего вашему мэру от нас надо?

Ли буркнул Джона взглядом, но Дженнингс ответил вполне дружелюбно:

– Думаю, он хочет передать вам привет. Сказать, что при необходимости мы можем быстро связаться. Еще он надеется, что вы пришлете к нему кого-нибудь из начальства – заключить торговое соглашение и все такое. Кроме того, мы хотели бы тянуть рельсы дальше на север, разумеется, с вашего согласия и с вашей помощью. Мэр очень хочет иметь связь с Лос-Анджелесом.

– Как бы мусорщики из округа Ориндж не помешали, – сказал Рафаэль.

– А начальства у нас нет, – враждебно вставил Джон.

– Тогда кого-то, кто будет говорить от вашего имени, – миролюбиво ответил Дженнингс.

– Мэр хотел бы поговорить и про мусорщиков, – сказал Ли. – Я так понимаю, вы их не обожаете?

Никто не ответил.

– Мы тоже, – продолжал Ли. – Похоже, они помогают япошкам.

Стив так часто тыкал меня в бок, что заныли ребра; сейчас он чуть их не проломил.

– Слыхал? – яростно прошипел Стив. – Я знал, что эти старьевщики – сволочи! Так вот откуда у них серебро!

Мы с Кэтрин цыкнули на него, чтобы не мешал слушать.

Тут дождь ненадолго перестал; крыша больше не дребезжала. Те, кто хотел добежать до дома сухим, спросили Дженнингса и Ли, сколько они у нас пробудут. Гости отвечали, что хотели бы остаться на день-два. Часть поселковых надела пончо, башмаки и вышли. Том пригласил приезжих к себе, те сразу согласились. Ко мне подошел отец:

– Ты не против пойти домой перекусить?

Похоже было, что разговор окончен, поэтому я согласился. Мы уходили смущенные и пришибленные. Слишком много нового рассказали чужаки, такого, чего и на толкучке не услышишь. Народ от растерянности не мог отыскать заранее оставленную в бане сухую одежду. Я огляделся: после всего сказанного Дженнингсом и Ли даже баня не казалась прежней. Мы с отцом натянули мокрое – у нас нет запасной одежды, чтобы держать ее в бане, – и заспешили домой мимо вздувшейся бурой реки. По дороге снова начало накрапывать. Мы развели жаркий огонь, сели на кроватях, поужинали вяленой рыбой с тортильями и поговорили о гостях из Сан-Диего и об их поезде.

Я заснул, думая о поездах и о мостах из рельсов.

На следующее утро я выуживал овощи из нашего затопленного огорода, когда увидел Кэтрин – она шла по тропинке, снова чумазая, и несла охапку колышков для кукурузы. Видать, сматывала рулоны, а раз так, значит, вместе с работниками вышла в поле со светом. Снимать пленку – это не расстилать, народу не дозовешься, вроде как это ее дело. Само собой, Кэтрин увидела, сколько посевов смыто. Сразу было понятно, что она вне себя. Из сада Мендесов с радостным лаем выбежала собака, но Кэтрин чертыхнулась и занесла на нее ногу. Шавка с визгом увернулась и убежала обратно в сад. Кэтрин осталась браниться на дороге, потом с размаху пнула ствол громадного эвкалипта. Я решил обойтись коротким «здравствуй».

С противоположной стороны на тропинке показался Том.

– Генри! – окликнул он.

Я помахал рукой.

Том подошел, остановился и, сощутив глаз, сказал:

– Генри, как насчет прокатиться до Сан-Диего?

– Чего-чего? – завопил я. – Конечно!

Том рассмеялся и сел на бочонок в нашем дворе.

– Вчера вечером я говорил с Джоном, Рафом, Кармен и ребятами из Сан-Диего. Мы решили, что к мэру отправлюсь я. Мне нужен кто-нибудь еще, старшие заняты. И я подумал, может, ты не будешь возражать.

– Возражать! – Я забегал кругами. – Возражать!

– Так я и предполагал. А с твоим отцом мы как-нибудь договоримся.

– А, что? – спросил отец, выходя из-за дома. Он нес два ведра воды и улыбался. – Из-за чего шум?

– Понимаешь, Скай, – объяснил Том, – хочу взять твоего парня с собой в поездку.

Отец поставил ведра и слушал, дергая себя за ус. Потом они поспорили, сколько стоит неделя моего труда. Оба сходились, что немного, оставалось выяснить, сколько именно. В конце концов Том согласился купить нам швейную машину, которую отец два месяца назад присмотрел на толкучке.

– Даже если она не работает, ладно, Скай?

– Ладно, – кивнул отец. – Мне она и нужна-то, чтобы Раф разобрал ее на запчасти.

Решили, что Том уговорит Джона Николена отпустить меня на неделю с рыбалки.

– Эй! – сказал я. – Надо бы и Стива позвать.

Том взглянул на меня, потерев бороду, сказал:

– М-да... наверно, надо.

Отец крякнул.

– Ладно. Не знаю, что скажет Джон, но ты прав. Коли я беру тебя, надо позвать и Стива. Посмотрим. Кончишь рыбачить, спроси Джона, когда мне можно поговорить с ним о ребятах из Сан-Диего. И не проболтайся Стиву, не то он первый пойдет к отцу, а это может плохо кончиться.

Я согласился и побежал к обрывам, распевая: «Сан-Диего, Санди-Данди-ого-го». На берегу я заткнулся и полдня рыбачил, как обычно. Когда мы вернулись на берег, я сказал Джону:

– Том хотел бы поговорить об этих, с поезда, сэр. Он спрашивает, когда можно зайти.

– В любое время, когда я дома, – по обыкновению, резко ответил Джон. – Скажи, пусть приходит нынче вечером. К ужину. И ты приходи.

– Спасибо, сэр, – сказал я, загадочно подмигнул Стиву и взбежал на обрыв. Я мчался вдоль реки, нарочно наступая во все лужи. В Сан-Диего! В Сан-Диего на поезде!

5

Ближе к вечеру мы со стариком направились вдоль реки к Николенам. Долина вокруг казалась чашей, наклоненной, чтобы выплеснуть нас в море. В небе лениво кружили, собираясь на ночлег, вороны. Над ними не было ни облачка, только купол чистой вечерней сини. Мы оба, разумеется, пребывали в отличном настроении: прыгали через лужи, перешучивались и рассказывали друг другу, что будет у Николенов на ужин.

– Я умираю с голоду! – объявил старик. – Умираю! – Он махнул Марвину Хэмишу и Нату Эглоффу, которые удили в пруду за речкой. – Ни крошки не съел с тех пор, как ты передал мне приглашение.

– Да это было-то два часа назад!

– Конечно. Вот я и пропустил чай.

Мы свернули прочь от реки и пошли по проселку к дому Николенов. За деревьями виднелась бетонка.

Дом этот – самый большой в поселке, он стоит на вырубке сразу над высоким береговым обрывом. Двор вокруг дома засажен травой, и двухэтажное, крытое черепицей строение высится над зеленым газоном (на приличном расстоянии от сарая, собачьих конур и курятника), словно осколок давних времен. На стеклянных окнах – ставни, над дверьми – большие козырьки, кирпичная труба. В тот вечер из трубы шел дым, в окнах светились лампы. Мы с Томом переглянулись и направились к двери.

Раньше чем мы успели постучать, миссис Николен распахнула дверь, восклицая:

– У меня беспорядок, но не обращайтесь внимания, входите, входите.

– Спасибо, Кристи, – сказал Том. – Может, в доме у тебя и беспорядок, но сама ты выглядишь, как всегда, прекрасно.

– Ах ты, лжец, – сказала миссис Николен, поправляя выбившуюся прядь густых черных волос. Однако Том говорил правду: Кристи Николен была на редкость хороша собой. Сильная, добрая, высокая, она, даже родив семерых, осталась стройной. Стив взял от нее больше, чем от Джона – рост, орлиный нос, подбородок, рот. Сейчас она зазывала нас в дверь, встряхивая головой, чтобы показать, как ужасно замотана. – Говорят, что убираются. Весь день мастерили маслбойку, прямо в моей столовой.

В доме не меньше дюжины комнат, но только в столовой окна большие и выходят на запад, поэтому, несмотря на возражения миссис Н., все, для чего нужен хороший свет, делается там, особенно когда на дворе сыро. Комнаты, через которые мы проходили, были обставлены прекрасной мебелью, кроватями, столами и стульями, которые Джон и двенадцатилетний братишка Стива, Тедди, смастерили в подражание старине. Мне дом казался ожившей картинкой из книжки. Я сказал об этом Тому, он согласился и добавил, что этот дом – единственный, который напоминает ему прежние.

– Только тогда не было очагов в кухне, кадок для воды в прихожей, деревянных полов, потолков и стен в комнатах.

Мы подошли к столовой, навстречу нам с визгом высыпала малышня. Миссис Николен вздохнула и провела нас внутрь. Джон с Тедди выметали стружки и обрезки дерева. Том и Джон обменялись рукопожатием – они это делают, только когда приходят друг к другу в гости. За широкими выходящими на запад окнами синело море. Косые солнечные лучи освещали низ восточной стены и висящую в воздухе древесную пыль.

– Ну-ка, приберитесь, – велела миссис Николен.

Она провела рукой по волосам, словно сам воздух комнаты их испачкал. Джон в притворном изумлении поднял бровь и кинул в нее щепкой. Я пошел на кухню (оттуда доноси-

лись дразнящие запахи) искать Стива, но нашел его на заднем дворе, где он вытрясал новую маслобойку.

– Чего там затевается? – спросил он.

Я не знал, как скрыть, и поэтому рассказал:

– Дженнингс и Ли пригласили Тома с собой, чтобы он поговорил с мэром. Том едет и хочет захватить нас.

Стив выронил маслобойку на траву.

– Захватить нас? Меня и тебя?

Я кивнул.

– Ура! Едем! – Он перепрыгнул через маслобойку и исполнил победный танец. Потом вдруг остановился и посмотрел на меня: – Надолго?

– Том говорит, примерно на неделю.

Глаза у Стива сузились, подвижный рот сжался.

– В чем дело?

– Надеюсь, меня отпустят. Черт! Я поеду в любом случае. – Он поднял маслобойку и вытряхнул на траву последние стружки.

Вскоре миссис Николен позвала нас ужинать и рассадилась вокруг большого дубового стола: она и Джон во главе, потом ее бабушка Мэри, девяностопятилетняя, выжившая из ума старуха, Том, Стив, Тедди, Эмили (ей тринадцать, и она ужасно робкая), потом близнецы – Вирджиния и Джо, малыши – Кэрол и Джудит, рядом с матерью. Джон зажег лампы на столе. Желтый свет ламп контрастировал с вечерней синевой за окнами. На больших окнах запрыгали наши слабые отражения.

Эмили и миссис Н. вносили блюдо за блюдом и вскоре заставили почти всю скатерть. Мы с Томом под столом толкали друг друга ногами. Некоторые блюда были накрыты крышками. Когда Джон их открыл, изнутри повалил пар, запахло тушеной в красном соусе курицей. В большой деревянной миске оказался капустный салат, в фарфоровой супнице – суп. На тарелках лежали тортильи и хлеб, резанные помидоры и яйца. В кувшинах подали воду и молоко.

От вкусных запахов я захмелел и сказал:

– Миссис Николен, вы приготовили пир, банкет.

Николены рассмеялись, а Том сказал:

– Он прав, Кристи. Ирландцы сложили бы об этом песни.

Следуя указаниям миссис Н., мы пустили блюда по кругу, наполнили тарелки и принялись есть. Некоторое время в тишине слышалось только звяканье ложек и вилок. Вскоре Мэри, которая едва притронулась к овощам и курятине, захотела побеседовать с Томом. Старик так быстро заглатывал куски – похоже, совсем не жуя, – что находил время говорить, особенно когда подкладывал добавку. Мэри обрадовалась Тому – одному из немногих соседей, кого еще узнавала.

– Томас, – сказала она громким дребезжащим голосом, – ты за последнее время видел что-нибудь хорошее в кино?

Вирджиния и Джо захихикали. Том проглотил кусок курятины, словно это хлеб, наклонился к почти глухому уху соседки и проорал:

– Нет, Мэри, в последнее время не видел.

Старушка сморгнула и с важным видом кивнула. Вирджиния снова хихикнула.

– Том, бабуля путает, теперь нет никаких кин.

– Никаких кино, – машинально поправила миссис Н.

– Никаких кино.

– Понимаешь, Вирджиния... – Том жадно отхлебнул рыбного супа. – Вот, попробуй.

– Не-е...

– Мэри говорит про старое.

– Она путает, что старое, а что теперь.

– Да.

– Чего-чего? – закричала старуха, поняв, что речь о ней.

– Ничего, Мэри, – сказал Том ей в ухо.

– Почему она такая, Том?

– Вирджиния! – одернула дочь миссис Н.

– Все в порядке, Кристи. Понимаешь, Вирджиния, с нами стариками такое случается. Я вот тоже путаю.

– Нет, ты не путаешь. А почему она?

– Понимаешь, у нас голова забита старым, новому приходится тесниться, вот оно и перемешивается. – Он заглотнул еще кусок курятины, жадно облизал с усов подливку, причмокнул. – Попробуй. Твоя мама замечательно готовит курицу.

– Не-е...

– Вирджиния!

– Ма-а-а...

– Ешь! – рявкнул Джон, поднимая глаза от тарелки.

Стива передернуло. С тех пор как мы вошли в столовую, он не произнес ни слова, даже когда мать прямо обращалась к нему. Мне это не нравилось, но, сказать по правде, я был больше занят едой. Поначалу набросился как волк, потом стал есть медленнее, жевать, пока во рту не останется только вкус. Столько было запахов, оттенков, каждый следующий кусочек таял на языке по-своему, а после глотка воды можно было начинать по новой. Я был уже сыт, но остановиться не мог. Джон тоже ел теперь помедленнее и, ни к кому в отдельности не обращаясь, заговорил про теплое течение – оно подошло к берегу после вчерашнего ливня. Том по-прежнему уписывал за обе щеки, и Вирджиния сказала:

– Никто не отнимет твою тарелку, Том.

Старик услышал, но не обиделся, а улыбнулся Вирджинии. Дети рассмеялись.

– Бери еще курицы, Генри, – уговаривала миссис Н., – запивай молоком.

– С удовольствием, – отвечал я.

Маленькая Кэрол расплакалась, Эмили подсела к ней и стала кормить с ложки. Дети расшумелись, Мэри заметила и воскликнула: «Включите телевизор!», зная, что вызовет смех. Стив продолжал есть молча, и Джон явно это заметил. Я глотнул молока, убеждая себя, что все в порядке.

Мы продолжали жевать и разговаривать. Когда Кэрол успокоилась, Эмили встала и принялась собирать блюда.

– Сегодня твоя очередь помогать, – напомнила Стиву миссис Н.

Тот молча встал и понес тарелки на кухню. Стол освободили, подали ягоды, сливки, еще кувшин молока. Том толкнул меня ногой, смешно двинул бровями и произнес благоговейно:

– Выглядит превосходно, Кристи.

Мы умяли и ягоды, и сливки, после чего детям разрешили взять бабушку и идти. Джон, миссис Н., Стив, Эмили, Том и я развернули стулья к окну. Джон достал из бара бутылку бренди, и все стали, прихлебывая, разглядывать свои отражения. Забавная получилась картинка. Стив за вечер ни разу не раскрыл рта, Эмили молчит всегда, так что разговаривали Джон и Том, да мы с миссис Н. иногда вставляли словечко. Джон продолжал рассуждать о течении:

– Похоже, с теплыми течениями приходят самые холодные тучи. Ледяные ливни, даже снег, когда вода на сорок градусов¹¹ теплее воздуха. С чего бы это?

¹¹ Примерно двадцать два градуса по Цельсию.

Никто не предложил объяснения. Удивительно, но и Том не воспользовался случаем поговорить о погоде. Мы помолчали. Миссис Н. начала вязать, Эмили бесшумно села рядом и взяла клубок. Джон залпом допил стакан.

– Так что, по-твоему, нужно этим южанам? – спросил он Тома.

Старик отхлебнул.

– Не знаю, Джон. Думаю, смогу разобраться на месте.

– Может, просто хотят увидеть что-то новое, – вставил Стив.

– Может, – отвечал Том. – Или попробовать свои силы. Или торговать с нами, или продвинуться дальше на север. Не знаю. Они не говорят, по крайней мере здесь. Вот почему я хочу отправиться с ними и поговорить с мэром.

Джон покачал головой:

– Я по-прежнему не уверен, что стоит.

У Стива побелели уголки губ. Том небрежно продолжил:

– Вреда не будет. И вообще, ехать надо, разузнать, что к чему. Кстати, мне бы взять с собой пару человек из молодых, кто меньше занят. Стив бы как раз подошел...

– Стив? – Джон вытаращился на старика. – Нет. – Взглянул на Стива, снова на Тома. – Нет. Он нужен здесь.

– Всего на недельку! – выпалил Стив. – Пожалуйста! Вернусь – отработаю вдвое...

– Нет, – повторил Джон тем голосом, каким распоряжается на воде.

В соседней комнате дети перестали играть и затихли. Стив встал и пошел на отца, который по-прежнему сидел, развалясь, на стуле. Кулаки у Стива были сжаты, лицо перекошилось.

– Стив, – тихо сказала миссис Николен.

Джон развернулся, чтобы лучше видеть сына.

– Когда вернешься, теплое течение отвернет от берега. Ты нужен здесь. Твое дело – ловить рыбу. Самое главное дело в этой долине. На юг можешь отправиться в следующий раз – может быть, зимой, когда закончится лов.

– Я дам денег, найду замену, – в отчаянии выговорил Стив.

Джон помотал головой, его упрямый рот скривился. Я втянул голову в плечи. Все это было не в первый раз, и чувствовалось: в один прекрасный день дело окончится дракой. В какую-то минуту я думал, что это произойдет сегодня: Стив сжал кулаки, Джон был готов вскочить. Но нет, Стив снова пересилил гнев. Резко повернулся, выбежал вон. Хлопнула кухонная дверь.

Миссис Николен встала и подлила Джону бренди.

– А Эддисон Шенкс никак не мог бы подменить Стива на неделю?

– Нет, Кристи. Пусть поймет, что его работа – здесь. Работа, которая кормит. – Джон взглянул на Тома, отхлебнул бренди, сказал раздраженно: – Тебе известно, что он мне нужен. Зачем приходить и морочить парню голову?

– Я думал, на неделю можно.

– Нет, – в последний раз с чувством ответил Джон. – Я тут не в бирюльки играю.

– Конечно, конечно.

Том отхлебнул бренди и смущенно взглянул на меня. Я взял пример с Эмили и притворился, будто меня здесь нет – уставился на отражения в черном оконном стекле.

Зрелище было невеселое. Молчание затянулось: было слышно, как в другой половине дома играют дети. Стив ушел – на берег, наверно. Я попытался представить себя на его месте, и вся вкусная еда комом встала у меня в горле. Расстроенная миссис Николен предложила налить еще. Я мотнул головой, Том прикрыл стакан ладонью. Прочистил горло.

– Ну, нам с Хэнком пора. Спасибо, Кристи, все было очень вкусно.

Миссис Николен принялась прощаться, будто ничего не произошло, Том болезненно поморщился.

– Спасибо за угощение, Джон. Извини, что я все это затеял.

Джон что-то проворчал и в задумчивости махнул рукой. Мы все глядели на него: здоровенный мужик, окруженный своим имуществом, своим добром, рассеянно глядит на собственное бесцветное отражение...

– Да ладно, – сказал он, словно разрешая нам идти. – Понимаю, почему ты так. Вернетесь – заходите, расскажете.

– Зайдем.

По дороге к двери Том еще раз поблагодарил миссис Н. Она вышла нас проводить. На пороге сказала:

– Мог бы догадаться заранее, Том.

– Да, конечно. Спокойной ночи, Кристи.

Мы шли вдоль реки, сытые до отвала, но полные грустных мыслей. Том со злобой отпихивал нависающие над дорогой ветки и бормотал под нос:

– Мог бы догадаться... иначе и быть не может... ничего не изменишь... словно клин забил... – Он повысил голос: – Прошлое сидит в нас, как клин в дереве. Мы – дерево, в котором засел клин. Понимаешь, парень?

– Нет.

– Ох. – Он снова зло забормотал.

– Я понимаю, что Джон Николен – старая скотина.

– Заткнись! – рявкнул Том. – Клин, – повторил он. Потом вдруг остановился, схватил меня за плечи, развернул лицом к реке.

– Видишь?

– Ага, – сердито ответил я, вглядываясь во тьму.

– На этом самом месте. Николены тогда только что перебрались в поселок – Джон, Кристи, Джон-младший и Стив. Стиву было меньше года, Джону-младшему – около шести. Они пришли с материка, откуда – не рассказали. Однажды Джон помогал строить первый мост. В начале зимы. Джон-младший играл на откосе, и... весь откос съехал в воду. – Голос у Тома стал резким. – Раз – и в воду, понимаешь? Во вздувшуюся после дождя реку. Прямо на глазах у Джона. Он прыгнул в реку и проплыл ее всю, до моря. Плавал больше часа, но мальчонку так и не увидел. Понял?

– Ага, – ответил я, смущенный непривычным тоном. Мы пошли дальше. – И все-таки это не значит, что он не может обойтись без Стива, потому что это неправда...

– Заткнись, – огрызнулся Том так же резко, как и вначале.

Через несколько шагов он добавил тихо, как бы самому себе:

– В тот год мы зимовали, как крысы. Ели, что попадется.

– Да слышал я про те времена, – сказал я, раздраженный бесконечными возвращениями в прошлое. – Все уши нам прожужжали: прошлое, прошлое, чертово прошлое. Все-то им можно объяснить. Человек тиранит сына, и что его оправдывает? Прошлое.

– Слышать – не значит пережить, – сказал Том, тоже раздраженный. Разглядывая его в темноте, я видел следы прошлого: шрамы, впалые щеки, за которыми недостает зубов, сторбленную спину. Он напоминал мне дерево на вершине холма, скрюченное постоянными океанскими ветрами, расщепленное молнией. – Парень, мы голодали. Люди умирали, потому что зимой нечего было есть. Долина стояла, залитая водой, деревья росли, как сорная трава, а мы не могли вырастить зерна себе на прокорм. Рылись в снегу – в снегу, это здесь-то! – и жрали личинок. Одичали совсем, хуже волков. Ты такого уже не увидишь. Не знали, какой день и какой месяц. Нам с Рафом понадобилось четыре года, чтобы вычислить дату. – Он замолчал, чтобы вспомнить, к чему все это говорит. – Мы видели рыбу в реке и пытались ее поймать. Раздобыли в округе Ориндж удочки, леску, крючки из спортивных магазинов. – Он сплюнул в реку. – Каждая третья рыбина срывалась, сволочные удочки все время ломались... Джон Нико-

лен увидел и стал задавать вопросы. Почему не ловим сетями? Сетей нет. Почему не ловим в океане? Нет лодок. Он поглядел на нас как на идиотов. Кое-кто озверел. Где прикажешь взять сети? Где?.. Так вот, Николен знал ответ. Он пошел в Клементе и заглянул в телефонную книгу, клянусь. В долбаный справочник. – Том рассмеялся коротким довольным смешком. – Нашел там перечень рыболовецких складов, взял несколько человек и пошел искать. Первый склад, куда мы заглянули, оказался пустым. От второго после бомбежки осталось мокрое место. В третьем мы увидели груды сетей. Стальные канаты, тяжелый нейлон – обалдеть. И это было только начало. По телефонному справочнику и карте мы нашли, где в округе Ориндж сохранились верфи, поскольку все порты были очищены. Лодки мы тащили по автостраде.

– А что мусорщики?

– Тогда их было мало, и мы ладили.

Тут я понял, что он врет. Не рассказывает о своих подвигах. Он всегда так. Почти все, что я знаю о прошлом Тома, мне рассказали другие. А наслушался я многого: старейший человек в долине, само собой, оброс легендами. Рассказывали, как он совершал набеги на округ Ориндж, ведя за собой Джона Николена и других тогдашних соседей. Говорят, в то время он был грозой мусорщиков. Если тех оказывалось больше, Том исчезал в развалинах и вскоре мусорщиков не оставалось. Это Том научил Рафаэля стрелять. А байки о его выносливости – я слышал столько и таких чудных, не знаю, чему и верить. Что-то он сделал и на самом деле – иначе откуда бы пошла слава, – но что именно? Неделью без сна и отдыха отступал из Риверсайда или ел древесную кору, когда их окружили в Тастине? Прошел сквозь огонь или полчаса сдерживал дыхание под водой? Как бы там ни было, он точно превзошел всех в долине, а ведь ему тогда уже стукнуло семьдесят пять. Помню, Рафаэль как-то говорил, мол, в день бомбежки старик облучился и мутировал, стал бессмертным, вроде как Вечный Жид. «Одно точно, – рассказывал Рафаэль, – раз на толкучке мы прошли мимо мусорщиков, у которых был счетчик Гейгера, так машинка чуть не лопнула от трезвона. Мусорщиков как ветром сдуло...»

– Так вот, – продолжал Том, – все, что связано с рыбной ловлей, – дело рук Николена. Он объединил людей в долине, сделал нас поселком. Во вторую зиму после его прихода никто не умер с голоду. Парень, тебе не понять, что это значит. Мы жрали вяленую рыбу, на которую уже тошно было смотреть, но не умер никто. Тяжелые времена случались и после, но такого, как до Николена, не было. Я им восхищаюсь. Плохо, что он думает только о рыбе и не хочет отпустить сына на неделю. Но таким он стал, и тебе придется это понять.

– Что толку в кормежке, если в результате собственный сын тебя ненавидит...

– Да. Но Джон не нарочно. Я знаю. Вспомни Джона-младшего. Может быть, Джон, сам того не понимая, хочет удержать Стива при себе. Уберечь. Тогда рыбная ловля только предлог. Не знаю.

Я мотнул головой. Все равно нечестно держать Стива дома. Клин в дереве. Теперь я лучше понимал, что хотел сказать Том, но мне представилось: это мы – клинья, вбитые так глубоко в прошлое, что можем только входить дальше. Под ударами событий. Как мне хотелось вырваться и быть свободным!

Мы подошли к моему дому. Из дверных щелей сочился свет очага.

– Стив поедет в другой раз, – сказал Том. – Но мы... мы отправляемся в Сан-Диего следующей облачной ночью.

– Понял.

В ту минуту я не был способен радоваться. Том хлопнул меня по плечу и шагнул за деревья.

– Готовься! – крикнул он и растаял в лесном сумраке.

Следующей облачной ночи пришлось дожидаться. В кои-то веки теплое течение принесло с собой хорошую погоду, и каждый вечер я нетерпеливо бранил судьбу. Днем, как

обычно, рыбачил. Джон велел Стиву помогать с сетями, так что мы не сидели вместе в лодке днями напролет. Чувствовал я себя одиноким и не в своей тарелке – будто я его предал. Когда нам случалось работать вместе – разгружать рыбу или сматывать сети, он говорил только о лове и не смотрел мне в глаза, а я не находил что сказать. У меня камень с души свалился, когда после обеда на третий день он рассмеялся и сказал:

– Как раз когда не надо, стоят погожие деньки. Давай маханем на пляж.

С ловом было покончено, и мы еще засветло отправились к устью реки, где синие полосы волн медленно превращались в белые. Подошли Габби, Мандо и Дел с ластами, и мы все побрели через грубый песок мелководья к буруну. Вода была на редкость теплой. Мы надели по ласту и поплыли туда, где кончается пена. За буруном вода была как синее стекло: я различал каждую песчинку на дне. Радостью было просто плыть, позволяя волнам перехлестывать через голову, оглядываться на бурые обрывы и зеленый лес, обрамленные небом и синим-пре-синим океаном у самого подбородка. Я лег на волну и стал качаться вместе со всеми, радуясь, что они не очень завидуют моей предстоящей поездке в Сан-Диего. А когда мы вернулись на берег, ребята распрощались со мной и ушли гуртом. Я остался сидеть на песке, чувствуя себя чужаком.

Над рекой, в узком ущелье у самого впадения в море, показалась какая-то фигура. Когда она приблизилась, я узнал Мелиссу Шенкс, вскочил и махнул рукой. Она тоже узнала меня и пошла вдоль берега, огибая лужи.

– Привет, Генри, – сказала она. – Качался на волнах?

– Ага. А ты чего здесь?

– Да вот, мидии собираю.

Мне в голову не пришло сообразить, что при ней нет ни сетки, ни корзинки.

– Генри, я слышала, ты едешь с Томом в Сан-Диего?

Я кивнул. У нее расширились глаза.

– Обалдеть, – сказала она. – А когда?

– В следующую облачную ночь. Погода как будто нарочно меня не пускает.

Она рассмеялась и поцеловала меня в щеку. Я поднял брови и тут же получил еще один поцелуй. Тогда я ответил тем же.

– Не верится, что ты едешь, – мечтательно произнесла она между поцелуями. – Правда, никто лучше тебя не справится.

Я сразу повеселел.

– Много вас едет?

– Только я и Том.

– А эти, из Сан-Диего?

– Ну и они тоже. Они нас и поведут.

– Только те двое, что приходили сюда?

– Нет, их целая бригада. Остальные ждут на бетонке, там, куда пока дотянули рельсы. – Я объяснил, как ребята из Сан-Диего это делают. – Поэтому и нужно дожидаться облачной ночи – чтобы япошки нас не видели.

– Господи. – Она поежилась. – Опасно-то как.

– Да ничего подобного. – Я снова поцеловал ее и повалил на песок. Мы целовались так долго, что я успел ее наполовину раздеть. Тут Мелисса огляделась и засмеялась.

– Не на берегу, – сказала она. – Могут с обрыва увидеть.

– Не увидят.

– Увидят, сам знаешь. – Мелисса села и поправила синюю ситцевую юбку. – Вернешься из Сан-Диего, может, сходим в Качельный каньон покачаться.

В Качельный каньон ходили парочки; я с жаром кивнул и потянулся к Мелиссе, но она уже встала.

– Мне правда пора, а то папа хватится.

Она поцеловала указательный пальчик, поднесла к моим губам и со смехом убежала. Я глядел, как она бежит через широкий пляж, потом встал сам, стряхнул песок и рассмеялся вслух. Взглянул на море. Где облака, где?

Вскоре после заката ветер принес ответ на мой вопрос. Тучи мчались рваными волнами, а когда стемнело, на сине-сером небе не зажглось ни звездочки. Я снял с крюка куртку, достал из мешка теплый свитер и поболтал с отцом. Поздним вечером в дверь постучал Том. Я отправился в Сан-Диего.

Часть вторая Сан-Диего

6

Дженнингс и Ли ждали под большими эвкалиптами.

– Двинулись, – коротко скомандовал Ли.

Мы вышли на автостраду и вскоре миновали крутой обрыв Бетонной бухты. Долина осталась позади, отсюда начиналось Пендлтонское побережье. Автострада здесь сохранилась неплохо: хотя бетон кое-где растрескался, деревья и кусты еще не проросли через него, только на месте особенно широких трещин получилось что-то вроде живой изгороди. Однако по большей части дорога оставалась белой полосой под темными нависающими ветвями. Она шла по узкой полоске земли между береговыми откосами и первыми отрогами холмов. Здесь было много оврагов, над которыми дорога нависала, вроде как мост, но в двух местах она все-таки обвалилась. Оба раза пришлось спускаться в овраг и переходить быстрый черный ручей по нагромождению бетонных плит. Ли вел нас в эти провалы молча и без колебаний – видать, торопился в Сан-Диего.

Почти сразу после второго провала Ли остановился. Я поглядел вперед – за деревьями угадывались полуразрушенные дома. Ли сложил ладони рупором и три раза кряду довольно похоже прокричал чайкой, потом еще три. На шестой раз из поселка ответили свистом. Мы пошли к самому большому дому, из которого навстречу нам уже высыпали несколько человек. Нас встретили громкими и веселыми приветствиями и провели в дом, где горел огонь, давая больше дыма, чем света. Горожане – их было семеро – оглядели Тома и меня.

– Столько ходили, а привели – старого да малого, – сказал пузатый коротышка. Он потянул себя за бороду и рассмеялся лающим смехом, однако его налитые кровью глазки остались невеселыми.

– Что, Сан-Онофре не настроено всерьез говорить с мэром? – спросил другой. Я впервые слышал «Сан» перед названием нашего поселка; на толкучках говорили просто «Онофре», как и мы сами.

– Хватит болтать, – сказал Дженнингс. – Это – Том Барнард, один из старейших американцев.

– Оно и видно.

– И один из самых уважаемых людей в Онофре. А мальчик – его помощник, очень толковый молодой человек.

В продолжение разговора Том и бровью не повел; он смотрел на коротышку, склонив голову набок, словно изучал невиданного прежде жука. Ли не дал себе труда слушать; он смащивал канат и лишь на секунду поднял лицо, чтобы распорядиться:

– Тушите огонь и по машинам. К рассвету надо быть в Сан-Диего.

Его спутники не возражали. Собрали вещи, залили огонь, вышли на бетонку и вслед за Ли зашагали через лес в сторону океана. Шагов через двадцать-тридцать Ли остановился и зажег фонарь.

Луч света выхватил из темноты машину: платформу на железных колесах. Посередине на возвышении был закреплен горизонтальный рычаг. Все покидали на платформу вещи. За первой машиной я заметил и вторую. Чтоб подойти, пришлось переступить через рельсы. Они были такие же, как в нашей долине – ржавые, погнутые и лежали на изъеденных временем

шпалах. Мы с Томом смотрели, как на платформы укладывают кувалды, оси, мотки толстой веревки, мешки со звякающими железными костылями.

Вскоре все было погружено. Дженнингс и Ли вскарабкались на платформу, мы с Томом забрались следом. Двое встали по концам рычага, один с помощью Ли нажал на поднятый конец. Колеса заскрежетали по ржавым рельсам. Когда конец рычага опустился, коротышка всем телом налег на другой. Они жали попеременно, дрезина катилась, другая не отставала.

Из рощицы, где были спрятаны машины, мы выехали на заросшую кустарником равнину. Здесь холмы отступили от океана на несколько миль, деревья росли только по лощинам. Рельсы были уложены на автостраде, и всякий раз, как мы въезжали на пригорок, взорам открывался океан, серебристо-серый под низкими облаками. Мыс, до которого мы с Николеном добирались полдня, остался позади; дальше к югу мне бывать не приходилось. Отсюда начинались незнакомые места.

Колеса скрежетали по рельсам; мы разогнались и летели быстрее, чем бежит человек. Четверо не занятых у рычага пассажиров нашей дрезины сидели возле центрального возвышения или лежали, глядя вперед. Под горку машина катилась еще быстрее. Холодный ветер бил в лицо. Гнилые шпалы мелькали так быстро, что сливались в сплошную полосу! Сидя было невозможно по-настоящему ощутить скорость, и я встал. Остальные глядели на меня как на болвана, но я плевать хотел. Борода флагом развевалась у Тома за спиной. Старик взглянул на меня и улыбнулся:

– Только так и стоит путешествовать, а?

Я с чувством кивнул, не в силах говорить от волнения. Несмотря на скрежет и стук, казалось, что платформа летит.

– К-как быстро мы едем? – запинаясь, выговорил я.

Том взглянул на шпалы, попробовал рукой ветер.

– Миль тридцать в час, – сказал он. – Может, тридцать пять. Давненько я так быстро не ездил.

– Тридцать миль в час! – заорал я. – Уррра!

Мужчины рассмеялись, но мне было все равно. На мой взгляд, болванами были они – ехать со скоростью тридцать миль в час и прятаться от ветра, вместо того чтобы смотреть по сторонам!

– Покачать хочешь? – спросил Дженнингс, поднимая лицо от рычага.

Остальные снова рассмеялись.

– Еще как! – воскликнул я.

Дженнингс подвинулся, и я взялся за рукоятку. Она имела форму буквы «Т». Я навалился, и дрезина дернулась куда сильнее, чем можно было ожидать. Я снова завопил. Я жал что есть мочи и видел, как мой напарник улыбается в темноте. Он тоже налегал на рычаг, и под нашими усилиями дрезина летела вдоль Пендлтонского побережья, словно во сне. Глаза уже слезились от ветра, но я все равно смотрел на мелькающие позади шпалы и вдруг понял, каково оно было в старину. Понял, какой мощью обладал тогда человек, во сколько крат увеличил он свои природные возможности. Об этом рассказывал Том, об этом говорилось в его книжках, но теперь я ощущал это кожей и мускулами. Это пьянило. Мы качали, дрезина летела. Задние улюлюкали нам вслед и кричали:

– Эй, впереди! Кого поставили к рычагу? Мы знаем, это не Дженнингс!

На обеих дрезинах рассмеялись.

– Да нет, Дженнингс! – крикнул кто-то из задних. – Что, по жене соскучился?

– Небось боится, что сбежит бабонька!

– Жми помедленнее, силу до дома побереги!

– Коли так разошлись, возьмите нас на буксир!

– Давайте помедленнее, – сказал Ли спустя некоторое время. – Ехать еще далеко, не стоит выматывать задних.

Мы стали качать медленнее. И все равно, когда меня сменили, я был весь в поту и на ветру сразу замерз. Сел, плотнее запахнул куртку. Начались холмы. На подъеме качать приходилось всем вместе, на спуске мы катились так быстро, что я бы не встал ни за какие коврижки.

Проехали мимо шеста с белой тряпицей на конце. Ли встал и потянул тормозной рычаг. Дрезина осыпала рельсы снопом искр и остановилась с таким скрежетом, что у меня мороз побежал по коже.

– Теперь будет сложнее, – сказал Дженнингс, прыгивая с дрезины.

В наступившей тишине я услышал шум воды. Мы с Томом тоже слезли и пошли за остальными. Рельсы уходили в реку, поуже нашей, но все равно приличную. Из воды торчали два ряда черных столбов, соединенных кое-где продольными и поперечными балками. Продольные продолжались на обоих берегах, но в середине зияли провалы. У столбов вода пенилась и закручивалась водоворотами. Понятно было, что течение быстрое.

– Основание нашего моста, – объяснял Дженнингс Тому и мне, покуда Ли распоряжался остальными. – Главное, опоры целы. Мы их подровняли и соединили продольными перемычками. Сейчас положим шпалы, на них рельсы, переедем, а шпалы и рельсы втащим за собой. Морока, конечно, зато, когда спрячем рельсы и шпалы, никто не догадается, что тут проезжали.

– Очень изобретательно, – похвалил Том.

Зажгли еще три-четыре фонаря, свет металлическими отражателями направили на опоры. Мужчины в темноте ругались на колючки, тащили шпалы из кустов к воде и цепляли к толстому канату, который подняли с мелководья. Канат шел над водой к другому берегу, где был пропущен в большой блок. От блока другой конец шел обратно к нашему берегу. Дженнингс с гордостью изобретателя продолжал объяснять нам, как эта штука работает: десять поперечных балок, или шпал, втаскивают в воду выше моста, потом канат ослабляют, и шпалы подплывают к опорам. Остается влезть на продольные балки, которые не убираются, выловить шпалы из воды и прибить к опорам.

Объяснениям Дженнингса помешали дружные ругательства с берега. Канат застопорился и не шел через блок. Ли оборвал начавшийся было спор, что делать.

– Кто-то должен сплавить туда и поправить блок. Вручную нам шпалы не занести: слишком тяжелые.

Предложение явно никого не обрадовало. Один из тех, кто был на второй дрезине, со смехом указал на меня:

– Может, ваш силач сплавает?

Пузатый весело фыркнул. Том бросился меня выгораживать, но я сказал:

– Конечно, сплавая. Вряд ли тут кто плавает лучше меня.

– Он прав, – согласился Том. – Они с друзьями плавают в прибое выше вашего роста.

– Молодец, – от души похвалил Дженнингс. – Понимаешь, Генри, мы несколько раз переплывали реку, но это непросто. Лучше всего держаться за канат, чтобы не снесло течением. Освободишь блок, а уж мост мы настелим за пару минут.

Я разделся и, пока не замерз, взялся за скользкий канат и вошел в воду. Река была холоднее, чем океан на прошлой неделе, у меня перехватило дыхание, сердце застучало. Держась за веревку, невозможно плыть по-настоящему. К тому же она была такая скользкая, что перехватывать руки приходилось осторожно. Течение развернуло меня ногами к мосту, так что я не мог ими себе помогать. Переправа заняла куда больше времени, чем я предполагал поначалу, однако в конце концов я нащупал коленями жидкую грязь и выбрался на берег. Оказавшись на твердой почве, крикнул, что переплыл легко, и пошел вдоль каната к блоку.

В блоке застряли наростившие на канат водоросли, и, когда я их вытащил, веревка заскользила свободно и система снова заработала. Я обрадовался, с другого берега раздалось одобри-

тельные выкрики. Однако, наблюдая, как осторожно движутся по прогнутым балкам призрачные фигуры, я понял: закончат они не скоро. Тем временем я стоял мокрый, холодный, одежда осталась на том берегу. Дженнингс, надо думать, знал, что мне придется плыть обратно, но по доброте душевной не стал огорчать заранее. Оставалось только снова лезть в воду. Я коротко обругал Дженнингса, крикнул, что плыву назад, зашел в воду по грудь и поплыл.

Однако я не учел, что теперь на моем пути окажутся десять шпал. Каждую надо было оплывать выше по течению или подныривать под нее, не выпуская из рук веревку. Это бы еще ничего; однако из темноты река несла на меня полузатонувшую сосну. Лесина проехала по мне и прибилась к веревке, я оказался под водой среди корявых сучьев и иголок. Я едва держался за канат и не мог толком глотнуть воздуха; ледяная вода заливала рот и нос. Пытаясь свободной рукой хоть как-то раздвинуть ветки, я думал: может, отпустить канат совсем и поднырнуть под сосну, но тогда течение понесло бы меня на опоры, и я мог разбиться. Веревка натянулась. Я продрался сквозь ветки, глотнул воздуха, перехватил руку и свободной левой ухватился за ствол. Потом потянул его вверх, а веревку вниз. Дерево перевалилось через веревку. Ветки по-прежнему цеплялись, но теперь можно было держаться и перехватывать руки с другой стороны. Я ругался на испанском и английском попеременно.

– Эй! – кричали с берега. – Стряслось что-нибудь?

– Генри! – вопил Том.

– Все в порядке! – крикнул я. Однако теперь канат тянули к берегу, и меня вместе с ним. Я понял, почему никто не хотел плыть. Если бы сосна ударила посильнее и я выпустил канат, мне бы, конечно, удалось выплыть ниже по течению, но плыть мимо опор было бы опасно, а идти по берегу до моста – довольно мерзко. Я раза два перехватил руки, но веревку тянули быстрее, и скоро я уже коснулся ногами грязи. Двое зашли в воду по колено и помогли встать. На берегу мне дали шерстяное одеяло, а когда я вытерся, еще одно, на которое сесть. Я съезжился возле фонарей и объявил, что сплавать было парой пустяков. Горожане не нашли что ответить. Том взглянул на меня подозрительно.

Пока я отогревался, настелили мост. Шпалы уложили на опоры, рельсы втащили и прибили костылями. Костыли входили в уже готовые отверстия в шпалах. Рельсы шли ближе друг к другу, чем опоры, но ненамного. Черные силуэты ползали взад-вперед по ажурному сооружению; фонари освещали балансирующие в опасных позах фигуры. Кто-то уронил балку и упал на четвереньки, чтобы не свалиться следом за ней. Балку тут же унесло течением. По команде Ли застучали кувалды.

– Первый раз им пришлось небось повозиться, – сказал мне Том. Он сидел рядом, грея руки на фонаре. – Надо думать, эта штука выдержит дрезины, но не хотел бы я быть на месте первого, кто проезжал по мосту.

– Похоже, они знают, что делают, – заметил я.

– Ага. Нелегко им в темноте. Жалко, что нельзя просто построить мост раз и навсегда.

– Мне подумалось о том же самом. Просто не верится, что эти... – я не знал, как назвать, – что они бомбят такие маленькие мостики.

– Да. – В тусклом свете фонаря лицо Тома было печальным. – Но я не думаю, чтобы эти ребята ввали или вот так уродовались для собственного удовольствия. Кто-то и впрямь следит, чтобы между поселками не было сообщения, как Дженнингс говорит. Однако я прежде не знал. Плохой признак.

Дженнингс играючи прошел по рельсу, прыгнул на берег и присоединился к нам.

– Почти готово, – объявил он. – Можете перейти. Машины погоним пустыми – простая предосторожность.

– Понимаем, – сказал Том.

Он помог мне встать. Я оделся, а сверху накинул одеяло, потому что еще не согрелся. Мы перешли по тому рельсу, который ниже по течению. Шли с опаской, готовые, если что, схва-

титься за рельс руками. Шпалы, когда я на них наступал, казались прочными, но они сильно покособились, и рельсы не ко всем прилегали плотно. Я указал на это Дженнингсу, который шагал по рельсу, как по земле.

– Верно. Шпалы коробятся. Но это не страшно: когда проезжаешь, рельсы немного прогибаются, только и всего. Пока, по крайней мере, ничего плохого не случилось. Первую машину поведет Ли – если что, выплывать придется ему. Надеюсь, до этого не дойдет – пешком до Сан-Диего далековато.

На южном берегу мы собрались возле фонарей. Отражатели направили на первую машину. Ли и еще один мужчина медленно повели ее через мост. Когда дрезина переезжала через шпалы, рельсы визжали и скрежетали; в остальное время злое и тихо прогибались под тяжестью машины. Странное это было зрелище: черная железная тележка, с обеих сторон нависая над водой, ползет по двум тонким жердочкам, словно паук по паутине. Когда она оказалась на нашем берегу, горожане тихо и довольно сказали: «Порядок, хорошо переехали».

Перенесли снаряжение и перегнали вторую машину, выдернули костыли и втащили рельсы на южный берег. Ли строго следил, чтобы все уложили по порядку – тогда в следующую поездку на север мост можно будет настелить без труда.

– Очень изобретательно, – сказал Том. – Очень умно, очень опасно, очень толково сделано.

– По мне, так все довольно просто, – ответил я.

Вскоре канат пропустили через блок на северном берегу, и обе дрезины вновь загрузили снаряжением. Мы опять сели на первую и покатали.

– Следующая переправа попроще, – сказал Дженнингс, когда мы въезжали на склон.

Я вызвался качать, потому что еще не согрелся. В этот раз я жал на передний конец и видел, как позади убегают холмы – непривычное зрелище. Ветер дул в спину. Я снова захмелел от скорости и рассмеялся вслух.

– Паренек плавает и жмет, как настоящий участник сопротивления, – сказал Дженнингс.

Я не понял, о чем он, но остальные в дрезине согласились, по крайней мере те, кто дал себе труд поддакнуть.

Согревшись, я понял, что устал. Меня сменил пузатый – дружески хлопнул по плечу и отправил на задний край платформы. Я сел, укрылся одеялом и вскоре задремал, слыша сквозь сон завывание ветра, стук колес, приглушенные голоса.

Проснулся я оттого, что дрезина остановилась.

– Опять, что ль, река?

– Нет, – тихо ответил Том. – Смотри.

Он указал на море.

Луна еле-еле просвечивала сквозь сплошные облака, море под ней казалось покрытым серыми заплатами. Я тут же увидел, на что показывает Том: тусклый красный огонек в середине черного силуэта. Корабль. Огромный – такой огромный, что поначалу я решил, будто он у самого берега, хотя на самом деле он был посередине между береговыми обрывами и скрытым облаками горизонтом. Так трудно было осмыслить это расстояние и эти огромные размеры, что я подумал, будто сплю.

– Тушите свет, – сказал Ли.

Фонари погасили в полном молчании. Огромный корабль бесшумно и быстро скользил на север. Его движение было таким же несообразным, как его размеры и пропорции. Вскоре он скрылся за холмом, который мы только что переехали.

– К населенным берегам они так близко не подходят, – объявил Дженнингс. – Редкое зрелище.

Поехали дальше. За следующим белым флажком вновь остановились. Вторая река была шире первой, но опоры начинались сразу от берега, и сохранились почти все перекрытия. Наши

спутники принялись укладывать пути на шаткую старую платформу, а мы с Томом остались на дрезине, возле фонарей. Подморозило, мы кутались в одеяла и выдыхали пар. Потом встали и, чтобы разогнать кровь, помогли таскать снаряжение. Когда дрезины перегнали через реку и убрали пути, я спрятался от ветра за двумя мотками каната и уснул.

Время от времени я просыпался от сильной тряски, ругал себя, что пропускаю часть пути, убеждал, что надо бы высунуть голову наружу, но было еще темно, я устал и сразу засыпал снова. Когда я проснулся в последний раз, уже рассвело и вся команда стояла у рычага: мы преодолевали подъем. Я сел с твердым намерением больше не засыпать и, как только освободилось место, встал к рычагу.

Мы ехали через развалины, но не такие, как в округе Ориндж – разбросанные среди леса груды бетона и досок. Здесь между деревьями виднелись фундаменты домов, а кое-где и восстановленные здания, большие и маленькие. Расчищенные развалины. Пузатый показал, где он живет – ближе к океану. Крутые береговые обрывы чередовались с болотистыми низинами, рельсы то взбирались на гору, то спускались вниз. Болота мы переезжали по дамбам, под которыми в туннелях протекали речки. Потом впереди показалось болото, где дамбы не было, или была когда-то, но рухнула. Путь на юг преграждала широкая река, выходящая по широкой, заросшей камышом низине. В прибрежных дюнах река разделялась на три рукава.

Дрезины остановились.

– Сан-Элихо, – сказал Дженнингс Тому и мне.

Солнце выглянуло из-за туч; в соленом утреннем воздухе над камышами, над сверкающими бочажинами, над излучинами кружили тысячи птиц. Их крики мешались с шумом прибоя. Том спросил:

– И как вы это болото переедете? Мостить слишком долго будет, а?

Дженнингс усмехнулся:

– Обогнем. Рельсы проложены по дороге, мы их не снимаем. Эти, – он указал на небо, – пока не возражают.

Мы объехали болото по северному краю. Река здесь была всего-навсего ручьем, и через нее был перекинут постоянный мост вроде нашего.

– Вам удалось узнать, как далеко от Сан-Диего вы можете протянуть дорогу, не раздражая этих, наверну? – спросил Том, когда мы переезжали через мост.

Ли открыл было рот, но Дженнингс не дал ему ответить, и Ли недовольно сжал губы. Дженнингс сказал:

– Ли считает, они установили для нас вполне четкие границы и, пока мы их не переступаем, не вмешиваются. Короче, они не хотят, чтобы была связь между прежними округами.

Ли закатил глаза, кивнул и помимо воли улыбнулся.

– Что до меня, я больше склонен согласиться с мэром, – продолжал Дженнингс, не обращая внимания на улыбку Ли. – Мэр говорит, в том, что они делают, нет ни складу ни ладу. Сумасшедшие смотрят на нас из космоса и решают, что нам позволено, а что нет. Мол, мы для них, как мухи для богов.

– «Мы для богов – что для мальчишек мухи»¹², – поправил Том.

– Точно. Сумасшедшие смотрят на нас сверху.

Ли покачал головой:

– Дело обстоит несколько сложнее. Неизвестно, что они видят. Но действия их подчинены определенным правилам. Я думаю, есть резолюция ООН или что-нибудь типа того, предписывающая японцам, как с нами поступать. И даже... – Он осекся и нахмурился, словно понял, что зашел слишком далеко.

¹² У. Шекспир, «Король Лир», акт 4, сцена 1, пер. Б. Пастернака.

– О, разумеется, у них есть камеры, которые могут различить человека, – возразил Дженнингс. – Поэтому, что они видят – известно. Неизвестно, что они замечают. Все, что мы делаем на севере, не спрячешь. Мосты остаются прежними, но мы, например, вырубаем на путях кусты. Вполне может быть, что разбирать мосты – пустая трата времени. Я говорил мэру, мы не невидимы, однако не уверен, что он меня услышал. Мы просто малозаметны. Однако они могут сличить старые и новые снимки на глаз или поручить это машине, не знаю. Вот построим дорогу на север – как раз и проверим их наблюдательность.

Мы ехали через густой сосновый лес. Солнце пробивалось сквозь ветки и вспыхивало в капельках росы. Пригревало, и я снова стал клевать носом, как ни нравились мне новые места, через которые мы ехали. За деревьями стояли старые дома, многие были восстановлены, и в них жили. Над крышами поднимался дымок. Когда я это увидел, то сильно смутился и пихнул Тома в бок. Эти из Сан-Диего – самые обыкновенные мусорщики! Том понял, что я хочу сказать, но только мотнул головой. Было ясно, что сейчас не время обсуждать, и все равно мне сделалось не по себе.

Рельсы вели к поселку вроде нашего, только домов в нем было побольше, стояли они чаще и среди них попадались старинные. Душераздирающе закрипели тормоза, закудахтали испуганные куры, залаяли собаки. Из большого дома вышли несколько мужчин и женщин. Наши спутники прыгнули с дрезин и поздоровались. На свету стало видно, какие они грязные, заросшие, с красными от усталости глазами, но никого это не смутило.

– Добро пожаловать в Сан-Диего, – сказал Дженнингс, помогая Тому сойти с дрезины. – Или, если быть точным, в Университетский городок. Позавтракаете с нами?

Мы охотно согласились. Я вдруг понял, что смертельно хочу есть – еще сильнее, чем спать. Нас познакомили с встречающими и повели в дом.

Входная дверь открывалась в большой, высотой в два этажа вестибюль, оклеенный красными с золотом обоями и с красным ковром на полу. С потолка свисал стеклянный канделябр. На лестнице тоже лежал ковер, а перила были из резного дуба и покрыты лаком. Я вытаращил глаза и спросил:

– Здесь мэр живет?

Грянул оглушительный хохот. У меня запыхлели щеки. Дженнингс обхватил меня за плечи.

– Сегодня ночью, Генри, ты себя показал. Мы смеемся не над тобой. Просто... Ладно, увидишь, где мэр живет, поймешь. Здесь живу я. Заходи, умойся, я познакомлю тебя с женой, и мы славно позавтракаем в честь вашего прибытия.

7

После завтрака мы с Томом почти полдня проспали на старинных диванах у Дженнингса в гостиной. Под вечер хозяин ворвался в комнату и растолкал нас со словами:

– Быстрее, быстрее. Я был у мэра. Он пригласил вас пообедать и побеседовать, а ждать он не любит.

– Заткнись и дай людям одеться, – сказала жена Дженнингса, выглядывая из-за его плеча. Она была удивительно на него похожа, такая же низенькая, кругленькая и веселая. – Когда будете готовы, я покажу вам туалет.

Мы с Томом пошли за ней и пописали в работающий унитаз со сливным бачком. Когда мы вышли, Дженнингс торопливо повел нас на улицу. Ли и пузатый ждали на одной из дрезин. Мы сели, и машина покатила на юг. При свете дня пузатый сделался общительнее и представился Эбом Тонклином.

Рельсы бежали по растрескавшемуся бетону другой автострады, под кронами сосен и эвкалиптов, секвой и дубов. Мы проезжали полосы света и тени, мимо больших, густо засаженных кукурузой полей. На одном из этих желто-зеленых полей я заметил человека и, только махнув ему рукой, понял, что это пугало.

Дженнингс, перекивая стук колес, объявил: «Уже скоро!» С пригорка нашим взглядам открылось длинное, вытянутое с запада на восток озеро. Похоже, здесь раньше было болото вроде северного, а потом его затопило. Из воды вставали огромные домищи, *небоскребы* – никак не меньше десятка. У одного, на севере, была огромная круглая стена. А посреди озера торчал кусок автострады на бетонных опорах. На нем стоял белый дом. Над крышей дома я различил маленький американский флаг. Он хлопал на ветру. Я разинул рот и взглянул на Тома – у того округлились глаза. Я снова посмотрел вперед. Никогда прежде мне не случалось видеть более впечатляющего напоминания о старых временах, чем это обрамленное лесистыми холмами, освещенное заходящим солнцем длинное озеро со своим собранием затопленных и разрушенных исполинов. Какие громадины! И снова – словно невидимая рука сдвинула мне сердце – я понял, каково оно было раньше.

– Здесь-то и живет мэр, – сказал Дженнингс.

– Боже, это же Мишен-Вэлли, – выдохнул Том.

– Верно, – подтвердил Дженнингс с такой гордостью, словно сам все это построил.

Том затряс головой и ошалело рассмеялся. Рельсы кончились, Ли с обычным выматывающим нервы скрежетом остановил дрезину. Мы слезли и пошли вслед за хозяевами по автостраде. Она ныряла под воду, кусок дороги в середине озера был ее продолжением. На дальнем берегу белая бетонная полоса вновь выныривала из озера. До меня дошло, что кусок автострады над озером – все, что осталось от моста, соединявшего прежде берега долины. Чем пустить дорогу понизу, они подняли ее на опоры и сделали мост больше мили длиной, просто чтобы не спускаться и не заезжать вверх на своих автомобилях! Я обалдело таращился и все не мог взять в толк, как вообще можно было додуматься до такого моста. В голове не укладывалось.

– Что с тобой? – спросил меня Ли.

– А? Ничего. Просто засмотрелся на озеро.

– Есть на что. Может, утром сделаем круг на лодке.

Со стороны Ли это было верхом дружелюбия, и я понял, что он оценил мое восхищение. Там, где дорога уходила в озеро, к большому плавучему пирсу были пришвартованы десятка два лодок. Ли с Эбом усадили нас в одну из самых больших. Эб взял весла, мы оттолкнулись и поплыли к острову-мосту. По дороге Ли отвечал на расспросы Тома касательно озера:

– Дождями намыло горы грязи, она застряла в устье между дорогами и набережной. Получилась запруда. Большая плотина. Что? Да, вода стекает в океан, но поверх запруды, так что у нас тут озеро. Оно гораздо выше уровня моря и тянется до самого Эль-Кахона.

Том рассмеялся:

– Ха! Мы всегда говорили, что хороший дождь может затопить эту долину, но чтобы так... А что случилось с путепроводом?

– Говорят, поначалу были сильные наводнения, размыло склоны холмов – и опоры моста рухнули. Сохранились только центральные. Мы взорвали нависающие части, чтобы вид был поаккуратнее.

– Ага.

Мы подплыли ближе, и я увидел обрубленный край автострады, желтый в закатном свете. Из бетонной плиты торчали загнутые ржавые штыри. Платформа имела футов пятнадцать в толщину, ее основание возвышалось над водой футов на двадцать. Лодка скользнула между стройными опорами, рассекаемая носом вода заплескала о бетон.

Платформа, под которой мы плыли, была частью перекрестка. Здесь от основного отрезка дороги отходили узкие съезды. Теперь они служили причалами. Мы подплыли к восточному, и люди, которые вышли нас встречать, приняли причальный конец. С лодки на деревянные мостки, а с них на бетон. Солнце садилось между двумя башнями, ветер трепал нам волосы. Из дома наверху доносились голоса, смех и звяканье посуды.

– Мы опаздываем, – сказал Ли. – Идемте.

Когда мы поднимались по бетонному съезду, я заметил, что он имеет уклон еще и вбок. Я сказал Тому, и он объяснил, зачем это было нужно: чтобы машины на большой скорости не вылетали с дороги. Я взглянул вниз, на воду, и подумал, что прежние американцы были или дураки, или чокнутые, если шли на такой риск.

На широкой и ровной платформе стояли несколько домов – большой на северном краю, несколько маленьких – не больше моей хижины – на южном. Они составляли что-то вроде подковы. Половина большого дома была одноэтажной, с голубыми перилами наверху. Возле перил стояли несколько человек и смотрели в нашу сторону. Дженнингс махнул им рукой. Я вдруг оробел.

Ли и Дженнингс повели нас с Томом в большой дом. Дженнингс, как вошел, сразу вынул из кармана расческу и провел по волосам. Ли, глядя, как тот прихорашивается, ехидно хмыкнул и, обойдя Дженнингса, повел нас по широкой лестнице. На втором этаже мы прошли по коридору в комнату, где было много стульев и пианино. Большие стеклянные двери в южном конце комнаты вели на балкон. Туда мы и вышли.

Мэр – высокий широкоплечий мужчина – стоял у перил вместе с другими и смотрел на нас. Руки у него были мускулистые и ноги под шерстяными клетчатыми штанами тоже. Ему подали синий пиджак. Для такого большого тела голова казалась слишком маленькой.

– Дженнингс, кто эти люди? – спросил он громким скрипучим голосом. Под черными усами у него был маленький рот и слабый подбородок. Однако, когда он поправил воротник и поднял лицо, голубые глаза взглянули на нас умно и проницательно.

Дженнингс представил меня и Тома.

– Тимоти Дэнфорт, – сказал мэр в свою очередь. – Мэр этого прекрасного города.

На лацкане его пиджака был приколот маленький американский флаг. Мы обменялись рукопожатиями; я жал что есть мочи, но с тем же успехом можно было давить камень. Он мог бы смять мою руку, как тесто. Том позже сказал, такой хватки самой по себе достаточно, чтобы стать мэром. Дэнфорт обратился к Тому:

– Я слышал, вы не избранный лидер Сан-Онофре?

– У Онофре нет избранного лидера, – ответил Том.

– Но вы пользуетесь определенной властью? – предположил мэр.

Том пожал плечами и подошел к перилам.

– Красиво тут у вас, – заметил он рассеянно, глядя на половинку красного солнечного диска. Я был возмущен его грубостью, мне хотелось заговорить и сказать, что Том пользуется в Онофре такой же властью, как и любой другой, и что он не хотел никого обидеть, однако я промолчал. Том глядел на закат. Мэр, прищурясь, наблюдал за ним.

– Всегда приятно познакомиться с соседом, – сердечно сказал мэр. – Если не возражаете, мы отметим это за столом. – Он улыбнулся, шевеля усами, однако взгляд его оставался пристальным. – Скажите, вы ведь жили в прежние времена? – Тон его, казалось, подразумевал: вы ведь жили в Раю?

– Как вы догадались? – спросил Том.

Почти все на балконе рассмеялись, но Дэнфорт только посмотрел на Тома.

– Для нас честь познакомиться с вами, сэр. Вас осталось мало, особенно в таком добром здравии. Вы – источник вдохновения для всех нас.

Том поднял кустистые брови:

– Неужто?

– Вдохновения, – решительно повторил мэр. – Монумент, если можно так выразиться. Напоминание о том, ради чего мы боремся в эти трудные времена. Я обнаружил, что старожилы вроде вас лучше понимают наши цели.

– Какие именно? – спросил Том.

Случайно или нарочно, мэр был слишком увлечен своей маленькой речью и не расслышал вопроса.

– Ладно, давайте все-таки сядем, – сказал он так, будто мы отказывались.

На балконе стояли несколько круглых столов и маленькие деревья в кадках. Мы сели за тот стол, что ближе к перилам. Дэнфорт буравил Тома взглядом; Том, как ни в чем не бывало, разглядывал флаг, который свисал с установленного на крыше шеста.

На автостраде внизу накрыли столы, штук двадцать пять – тридцать, из вечерних сумерек появлялись все новые лодки. Верхушки южных холмов сверкали яркой зеленью, но все остальное погрузилось во тьму. Где-то в доме загудел движок, и весь остров вспыхнул электрическими огнями. Домики на южном краю, ограждение автострады, комнаты позади нас – все засияло белым светом. Девушки моего возраста и младше вынесли из дома тарелки и серебряные приборы. Одна поставила тарелку передо мной и ободряюще улыбнулась. Волосы ее в электрическом свете отливали золотом, и я тоже улыбнулся. По обоим съездам поднимались мужчины и женщины, разодетые, как мусорщики, в блестящие пиджаки и яркие платья, но меня это уже не смущало. Похоже, в Сан-Диего все не как у нас. Здесь сумели соединить лучшее, что есть в мусорщиках и новых поселенцах. Самая яркая лампочка освещала флаг, и все встали, глядя, как спускают звездно-полосатое полотнище. Мы с Томом тоже стояли. Я чувствовал, что сияю как медный таз. По спине пробежал холодок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.